

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ
НЕСГИБАЕМЫЙ.
НЕ БУДИ ЛИХО...

Annotation

Завораживающий, будоражащий кровь и вызывающий всплеск адреналина рев двигателя. В общем-то ничего особенного для нашего мира. Но только не для того, в который попал наш современник Петр Пастухов.

Здесь – середина двадцатых годов двадцатого же столетия и балом правит пар при полном отсутствии двигателей внутреннего сгорания. Ну не называть же таковыми те единицы, что были созданы горе-энтузиастами на собственные скромные средства. Почему «горе»? Так ведь каждый, попытавшийся покуситься на монополию паровых машин рискует сложить голову от рук тайного клуба. Неизвестно, чем бы все это обернулось, знай Петр обо всем этом с самого начала. Но теперь у него нет другого выхода: либо он сломит хребет клубу, либо тот прокатится по нему тяжелым катком.

Константин Калбазов

Не буди лихо...

— Очередной выпад тайного клуба! Убит известный американский инженер Раймондс! Читайте! Читайте! Темные силы препятствуют мировому прогрессу!

По мере того, как мальчишка зазывал покупателей, он едва успевал принимать плату, от читателей рвущих газеты из его рук. Раньше такое случалось не так чтобы и часто. Обычно продавцам газет приходилось бегать по улицам, подбегать к пролеткам и трамваям, в надежде кого-нибудь заинтересовать новостями.

Но с тех пор как во всей мировой прессе появились шокирующие предположения о существовании тайного клуба, все изменилось. Никто не знал, кто входит в этот клуб, тенью нависший над миром. Но все знали абсолютно точно, что он существует, а еще то, что эти люди готовят очередную мировую бойню. И каждый точно знал, какие цели преследуют эти серые кардиналы. Правда договориться между собой обыватели не могли, а потому с жаром отстаивали именно свою точку зрения.

Но факт оставался фактом, изобретатели добившиеся сколь-нибудь значимых успехов в создании двигателя внутреннего сгорания, становились жертвами неких тайных сил. И пусть, общество могло только предполагать, кто именно в него входит, их жертвы были известны поименно.

И вот сегодня мальчишки выкрикивают новое имя. И жаждущие новостей обыватели спешат узнать подробности новой трагедии. Тираж ограничен, а потому, нужно успеть приобрести газету, чтобы быть в курсе событий, столь популярной в последнее время темы. Потому и некогда мальчишкам бегать по улицам. Страждущие сами стремятся к ним, за желанными новостями.

Петр посмотрел в окно своего авто и невольно усмехнулся. Мировая общественность взорвалась год назад, когда в уважаемых изданиях нескольких стран грянул гром. Нанятый частный сыщик Акимов хорошо потрудился, выискивая сведения о гибели изобретателей. На это у него ушло целых полгода. Количество выявленных фактов поражало. Просто невероятно, сколько людей лишились жизнью только потому, что решили покуситься на монополию паровых машин.

Разумеется, у Петра не было никаких доказательств, только сами факты гибели изобретателей. Причем, в большинстве своем они были расследованы и причины гибели были установлены доподлинно. Но это его не остановило. Он нашел несколько молодых способных и жадных до славы репортеров, с бойким пером, и подбросил им идею. Не он лично, конечно же. Этим занимался Акимов.

Стоит ли говорить о том, что молодых людей обуял такой азарт, что впору было только их сдерживать. Им не терпелось непременно быть первыми, чтобы насладиться лучами славы. Однако их все же удалось убедить в том, что несколько разрозненных взрывов в разных странах, будут иметь не столь ощутимый эффект. Мало того, это вообще может пройти незамеченным. А вот если рванет одновременно во многих странах...

Бомба рванула в строго назначенный день. Кое-где пришлось даже приплатить владельцам газет, чтобы они взялись напечатать какую-то галиматью. Но эффект превзошел все ожидания. Общественность буквально взбудоражилась. И тогда уж газетчики вцепились в молодых репортеров, с их неизвестными источниками информации и были готовы платить любые деньги. В пределах разумного, конечно же. Но эти пределы имели весьма серьезный

денежный эквивалент. Еще бы, если тиражи сразу же увеличились в несколько раз.

Зная тут же было подхвачено другими репортерами, начавшими рыть землю в поисках все новых, и новых фактов. Но оказавшиеся первыми имели перед ними неоспоримое преимущество и неизменно оставались в лидерах.

Мало того, они располагали мнениями и выкладками ученых-химиков. Кому еще судить о возможности изготовления мощных бомб, сравнимых с бризантными взрывчатыми веществами, как не им. И коль скоро двигатели взрываются. Да так, что разрушают мастерские, а это нередко каменные строения... Делайте выводы, господа. И обыватель неизменно делал правильные выводы. Именно те, в которые хотел верить больше всего. Это мировой заговор!!!

Впрочем, Пастухова куда как больше волновал совершенно иной вопрос. Уж кто-кто, а он прекрасно знал обо всех этих новостях. Нет, статьи не проходили его редактуру, мало того, он далеко не все их читал. Но с него вполне было достаточно и того, что он знал, о чем там говорится в общем. А частности его не интересовали. Не хватало еще поддаться истерии, зачинателем которой сам же и являешься.

Но ведь в газетах печатают не только сенсационные новости о всемирном заговоре неких темных сил. Но и совершенно прозаические вещи. К примеру, есть колонка Государственной Думы. Где можно ознакомиться с деятельностью народных избранников. И признаться, именно эта колонка сейчас и интересовала Петра больше всего.

Н-да. Звать мальчишку бесполезно. У него и так нет отбоя от желающих разжиться газеткой, так что свисти не свисти, зови не зови, все без толку. Вздохнув, Петр привычно бросил взгляд на зеркала обзора, и убедился, что обстановка вокруг вроде как не вызывает опасений. Потом открыл дверцу и вышел на тротуар, под лучи июньского солнца. Не такого уж и жаркого, надо сказать. Все же Северная столица.

Эта предосторожность вовсе нелишняя, учитывая, что полтора года назад его шкуру продырявили в очередной раз. Теперь, для разнообразия, это было сделано ножом, неким уркой Студнем, пробавлявшимся подручным у воровского авторитета, или как их тут называют ивана, Крапивы. Угу. Петр вообще способный, и за время своего нахождения в этом мире успел обзавестись как добрыми друзьями, так и лютыми врагами.

Все началось четыре года назад. Жил себе Петр Пастухов в своем две тысячи пятнадцатом году и горя не знал. Ну, почти. С другой стороны, ничего такого, с чем бы не мог справиться. Но все изменилось, когда он решил навестить своего друга по детскому дому, который подался в науку, и обосновался в славном граде Красноярске.

Васютин Сергей задался целью создать пространственный пробой. По его мнению это явилось бы не только величайшим научным открытием, но и новой вехой в развитии человечества. Позволило бы многократно ускорить перемещение по Земле и без труда подниматься на орбиту или вообще, преодолевать несколько световых лет сделав всего лишь несколько шагов. В перспективе, конечно же.

Но вместо этого, он создал машину способную устраивать прокол в параллельные миры. Когда открылся портал, их буквально засосало сюда. Вот так они и оказались в этом мире, очень похожем на их собственный, только с некоторыми отличиями.

Здесь был одна тысяча девятьсот двадцать первый год. Первая Мировая война случилась победой Антанты. Но при этом не произошло никаких революционных потрясений, и на престоле все так же восседал император Николай Второй. Австро-Венгрия исчезла с политической карты мира, зато Германия, хотя и потрепанная, осталась на плаву. И даже

досталось ей не так сильно, как это было в мире Петра.

А еще, балом в этом мире правил пар. Паровые автомобили, трактора, самолеты, дирижабли... Правда, Васютин всего этого так и не узнал, потому что погиб при переходе. В очередной раз оставив Петра сиротой. Образно, конечно.

В принципе, Петр неплохо вписался в этот мир. И будучи автослесарем, хорошо разбираясь в моторах, он решил создать ДВС. А что такого? Вписать свое имя в историю этого мира, как тот же Рудольф Дизель. Чем не достойная цель в жизни. Подумаешь, он украдет идею, и то что для местных ученых является настоящим откровением, для него всего лишь некогда выученная глава в учебнике. Кто сможет его уличить? Ну вот такой он уникал.

Но создание принципиально нового двигателя, да к тому же крайне непопулярного в мире, дело весьма затратное. Под его создание не получится выбить и копейку от потенциальных инвесторов. Потому как всем известно, что идея бесперспективная, а стало быть, заведомо убыточная. Те же, у кого водятся деньги потому и стали состоятельными людьми, что за проигрышные дела не брались. Нет, рискнуть конечно можно, но только когда затея чего-то стоит.

Так что, выход у Петра был один. Заработать необходимую сумму, построить свой двигатель и доказать всем, насколько они ошибаются. Угу. Наивный. Не все так просто в этой жизни. А уж в его, так и подавно. Вроде и не стремился ни к чему подобному, но, едва оказавшись в этом мире, сразу начал влипнуть в одну историю за другой. Причем не обошлось и без смертоубийств. Н-да. Ну и сам несколько раз расхотелся с костлявой краями. Чего уж там.

С риском для жизни, он стал купцом-золотопромышленником. И, казалось бы, теперь пришла пора вплотную приняться за дело. Но так уж вышло, что он оказался обвиненным в убийстве, которого не совершал. Как результат, лишился своего прииска. Хорошо, хоть нашелся честный купец, к тому же обязанный ему жизнью. Так что половину доходов все же сохранить удалось. Хотя при этом и пришлось отправиться в ссылку.

Получаемой прибыли оказалось более чем достаточно для создания двигателя. Оставалось только найти грамотного инженера. И тут ему повезло. Познакомиться в ссылке с немецким инженером. Не гений, но умный и старательный. Вместе с ним они привнесли в этот мир несколько новинок, и первый двигатель внутреннего сгорания, который в мире Петра носил имя Рудольфа Дизеля.

И тут выясняется, что в этом мире не все так просто. Потому что есть некие силы, которые препятствуют появлению ДВСов. Причем не просто мешают их создателям, а убивают их. Некий тайный клуб промышленников, которые давили в зародыше, саму идею создания нового двигателя.

Кстати, на их совести была и гибель Рудольфа Дизеля. У Кессениха, соратника Петра, знавшего его историю без купюр, не хватило совести назвать двигатель своим именем. Узнав о судьбе гениального инженера, и памятуя о рассказах Петра, он назвал двигатель дизельным. Мало того, они даже заказали пространную статью по поводу подлого убийства изобретателя. Отто Рудольфович же позиционировал себя как продолжателя его дела.

Нет, Петр вовсе не жаждал борьбы, и коль такое дело, то вполне предпочел бы забраться в тихий уголок и жить там в свое удовольствие. Возможность для этого у него была. В прошлом году его доля от прииска составила порядка ста пятидесяти тысяч рублей золотом, и в этом году она должна была подрасти еще тысяч на пятьдесят. Плюс к этому они с Кессенихом получали дивиденды от производства по их лицензиям, что в среднем

приносило около пятидесяти тысяч ассигнациями ежегодного дохода.

Вот только, он был уверен, что спокойно жить ему не дадут. Потому что любое инакомыслие, мало-мальское покушение на безраздельное властвование паровых машин, пресекалось без всякой жалости. Подобный подход попросту лишил его выбора. На кону стоял сам факт его выживания. Либо он переломит ситуацию в свою пользу, либо тайный клуб прокатится по нему стальным катком.

И Петр включился в борьбу. Газетная шумиха, начатая год назад, и подхваченная репортерами всех стран, являлась только вторым шагом, благодаря которому Пастухов собирался банально выиграть время. Первым было выявление и уничтожение очередной группы, которая работала на российском направлении.

В настоящий момент тайный клуб увяз в информационной войне. И, надо сказать, что в борьбу против молодых и дерзких включились маститые акулы пера. И даже общеизвестные авторитетные ученые умы. Правда им приходилось нелегко управиться с пылкими сердцами и общей истерией в обществе. И все же, постепенно, мало-помалу, они начали отвоевывать свои позиции.

Наверняка, в России уже действовала новая группа, призванная бороться с инакомыслием. И что-то подсказывало Петру, что на этот раз группа будет с куда как более внушительным штатом. И силовиков в том числе. Пастухов уже успел показать, что способен к радикальным действиям, с не меньшей решимостью, нежели эти кукловоды. А потому его будут воспринимать всерьез.

Однако в его планы вовсе не входило мериться силой с этим самым тайным клубом. Втянется в силовое противостояние и проиграет. Тут без вариантов. Поэтому нужно перевести борьбу на выживание в конкурентную. Вот этим-то он и занимался больше года, вложив в это дело не такую уж и маленькую сумму. И это при том, что направлений, требующих серьезных трат у него хватало...

Убедившись в очередной раз, что в данный момент на него вроде как никто покушаться не собирается, Петр направился к мальчишке. Пришлось слегка потолкаться с тремя господами дородного сложения, жаждавших заполучить свежий номер «Ведомостей». Но все же ему удалось завладеть своим экземпляром. Он оказался едва ли не последним. Не успел Пастухов вернуться в свой автомобиль, как мальчишка уже убежал в сторону редакции, за новой пачкой газет. Вот так. Стоило ему промедлить еще несколько секунд, и пришлось бы искать нового разносчика.

Колонка нашлась именно там, где ей и положено быть. И хотя изложенные в ней новости были куда важнее, нежели очередное разоблачение тайных сил, значения им придавалось куда меньше. А ведь они взаимосвязаны, пусть этого и не рассмотрим с первого взгляда. Да что там, не увидишь и со второго и с третьего. Правда это только, если...

Ага. Есть! Ну наконец-то Госдума разродилась. Впрочем, год, это еще и быстро. Тем более учитывая, что финансировать большое лобби Петру не по силам. Ну да грех жаловаться. Закон принят. Да и вовремя, чего уж там. Строительство его завода как раз вступало в завершающую стадию. Еще несколько месяцев и можно будет запускать производство.

Итак, если коротко, то на вчерашнем заседании Думы была принята поправка к закону о такси. В первом своем варианте он предусматривал использование в этом качестве только автомобилей «Прохор» российского промышленника Зотова. И был нацелен на то, чтобы поддержать отечественного производителя.

Правильное, в общем-то, решение. Вот только, подразумевает под собой отсутствие конкуренции и полноправную монополию промышленника. Зотов не стал особенно переживать, узнав об этой инициативе одной из фракций. Ну подумаешь, депутаты всполошились от безделья. Надо же им показать свою работу, вот и выдумывают всякую чушь. Да хоть десять поправок примите. Поставки автомобилей для такси, безраздельная песочница Зотова, в которой он будет играть так, как ему хочется.

На сегодняшний день в России существует только три автомобильных завода. Первый – Игнатьева. Настоящий гигант производящий сразу три типа автомобилей, шеститонные «Муромцы», полутонные «Добрыни» и легковые «Поповичи». Все автомобили имеют по две-три модификации. Немалая их часть уходит армии и флоту, что в обеспечивает Игнатьеву стабильные заказы.

Второй завод – казенный «Руссо-Балт». С объемами выпускаемых автомобилей у них не так чтобы и хорошо. Автомобили довольно дорогие, поэтому они пользуются спросом, в основном, у светской публики. Правда, эти клиенты предпочитают заказывать свои авто со своими предпочтениями. Так что, техника получается чуть ли не штучной.

А чтобы завод не простаивал при отсутствии частных заказов, там выпускали автомобили по заказу министерств и ведомств. Императору не понравилось, когда ему стало известно о том, что чиновники предпочитают разъезжать на иностранных автомобилях. Поэтому в России существовало негласное правило, ведомственные гаражи комплектовались «Руссо-Балтами». Правда, даже бюджетные варианты отличало исключительное качество.

Ну и, наконец, завод Зотова, который специализировался на выпуске легковых автомобилей. Всего он выпускал три вида. Такси, которые добрались уже до губернских городов. Небольшой фургончик, пользующийся популярностью у средних и крупных лавочников. И личные легковые автомобили.

Так что, пока в законе стояла хотя бы одна оговорка о том, что автомобили такси должны быть непременно российского производства, ему волноваться нечего. Ближайшие несколько лет ему конкуренция не грозит. Если она вообще возможна.

Оно может и найдется какой купец, что захочет наладить производство автомобилей. Но ему не отменить незыблемого закона экономики – спрос рождает предложение. И никак иначе. А сегодняшний спрос по автотранспорту пока вполне обеспечивается имеющимся производством, которое постепенно наращивается.

Конечно, если тенденция роста спроса сохранится и дальше, то имеющихся мощностей будет явно недостаточно. Но кто сказал, что заводчики не думают о будущем. К примеру, Игнатьев уже провел модернизацию два года назад, и сегодня вроде как ставит новые цеха. Сам Зотов также не дремлет, и уже в следующем году начнет расширение производства. Так что, как уже говорилось, ближайшие несколько лет, ему вообще можно не беспокоиться по поводу конкуренции.

Все это так. Но вот к примеру, Петр на месте заводчика не был бы столь уж самоуверенным. Почему? Да потому, что коль скоро Пастухов вложил в принятие поправок к закону, то сделал это вовсе не просто так. Как говорил один его знакомый, мне бы только пальчик всунуть, а там уж я весь пролезу. Вот и Пастухов собирался подсунуть господину Зотову небольшую такую свинку.

А ведь всего этого могло и не быть. Ну к чему было Зотову прогонять Пастухова, когда он обратился к нему с предложением продавать ему «Прохоров» в неполной комплектации. Разумеется не по цене полноценного автомобиля. Петр собирался устанавливать на него свой

двигатель. Но был не понят, и поднят на смех. Поэтому, для осуществления замысла пришлось искать другие пути...

Так, нечего делать, Петр перевернул газету и пробежался по колонкам, где обычно размещали заметки о тех или иных достижениях, открытиях и начинаниях. Публика у газет самая разнообразная, а потому и подача информации весьма разносторонняя

Обычно в этих колонках подавалась информация не заслуживающая особого внимания. Какой-то изобретатель искал потенциального инвестора, и пытался таким образом привлечь к себе внимание. Очередной ученый, добившись каких-то результатов, спешил возвестить об этом всему миру, даже если всем на это было глубоко наплевать, а само открытие не несло никакой практической пользы.

Но Петр взял себе за правило в обязательном порядке просматривать эти колонки. Многим изобретениям и открытиям изначально придавалось слишком мало внимания. Он же был представителем более позднего общества, а потому мог выделить то, на что другие и не взглянули бы. Сколько раз Кессених пенял ему за то, что тот выдает очередные идеи бессистемно и спонтанно.

Но Петр ничего не мог с собой поделать. Просиди он целый день, вспоминая свой прежний мир и стараясь выдать из себя хоть что-то, все было бы без толку. Разве только к концу дня, вместо какой полезной идеи, заполучил бы головную боль. Что было очень даже возможно, учитывая его контузию. А тут, просто просматриваешь газету, и мысль возникает сама собой.

Опять же, действовал он без фанатизма. Не хватаясь за все подряд. Высматривал идеи, так сказать, в части касающейся. А иначе им с Кессенихом никаких сил и средств не хватит, чтобы все это осуществить. Да и ни к чему ему это. Лишнее.

Взгляд привычно скользил по колонкам, просматривая изложенное в них по диагонали. Вчитываться во все это желания не было никакого. Он и в своем-то мире не любил сиживать с газетой в руках, и этот не стал исключением.

Оп-па. А это что? Ну-ка, ну-ка. Та-ак. Просто замечательно. А, главное, все в кассу, несмотря ни на что, Петру подобное точно по плечу. Найдет он средства. В лепешку расшибется, а найдет. Если что, тесть поможет. Хм. А может ему это дело и отдать на откуп? Ну, как вариант. А что, он лицо заинтересованное, владелец целого автогиганта. По нынешним меркам, ясное дело.

Но какое это по сути имеет значение. Ведь можно наладить производство и экспорт готовой продукции за границу. Задавить тамошних производителей дешевой продукцией и отобрать рынок сбыта. Если Петр прав, а ему кажется, что это именно так и есть, то это будет не так чтобы и сложно.

Пастухов снял свой «Руссо-Балт» с ручного тормоза, и слегка придавил педаль акселератора. Тяжелый автомобиль плавно тронулся с места, и отъехав от обочины, покатил вдоль по улице. Петр всегда тяготел к бронированным авто. Ну, после того, как его пару раз продырявили. Поэтому и сейчас раскатывал по столице в эдакой крепости на колесах. Весьма комфортабельной крепости, надо сказать.

Он оказался прав, когда предположил, что бронированные лимузины будут пользоваться успехом у представителей света, и высокопоставленных чиновников. Правда, Игнатьев производил только броневики для казначейства. Это еще хоть как-то вписывалось в его продукцию, не отличающуюся особым изяществом. Поэтому идею создания комфортного блиндированного автомобиля подарил управляющему «Руссо-Балта».

И тот оказался достаточно расторопным малым, чтобы понять выгоду завода. И, надо сказать, сумел воплотить идею настолько красиво, что вот так с первого взгляда и не поймешь, что перед тобой бронированный монстр. А чтобы добраться до пассажиров внутри понадобится как минимум пара сотен грамм тротила или на худой конец полевая пушка. Кстати, до Петра дошли слухи о получении заводом заказов из заграницы.

Проехав пару кварталов, он вновь притерся к обочине возле одного из кафе, с крытой летней площадкой. Время приближается к полудню, а потому две трети столиков уже заняты. В основном это женщины с детьми. Изредка, в наличии полное семейство. Но в основном мужчины сейчас трудятся в поте, лица зарабатывая хлеб насущный.

При виде площадки, над которой стоял детский щебет, Петр невольно улыбнулся. Его детство было не таким радостным и безоблачным. Он рос сиротой, эдаким волчонком, озлобившимся на весь окружающий мир, и в особенности на вот таких малышей, у которых было все. Нет, не в плане благосостояния. У них были родители, которые радовались вместе с ними, и переживали за них всем сердцем. Он же был этого лишен.

Поэтому больше всего на свете он хотел иметь свою семью. Настоящую, крепкую и любящую семью. Он был готов ради этого расшибиться в лепешку в своем мире, а обрел ее здесь. Год назад он женился на замечательной девушке, и в скором времени они станут полноценной семьей. И это переполняло его счастьем. Н-да. А вот об Александре этого не скажешь.

Вернее, она бедняжка и сама не знает, чего хочет больше. Оно и ребенка хочется. Она его уже любит, ласково оглаживая свой живот. И в то же время, будучи на сносях, не больно-то будешь заниматься любимым делом. А она ведь, без пяти минут дипломированный инженер-механик. Причем, работать с одними только чертежами ей неинтересно. Ей непременно хочется воплотить свою задумку в металле, причем своими руками. Не все, разумеется. Но и в немалой степени.

Ну и как ей встать к верстаку с выпирающим животом? А, главное, не навредить ребенку, ворочая железки. Вот и взял Петр с нее обещание не ходить в мастерскую, пока не разрешится от бремени. Ведь не удержится, обязательно полезет в работу. И она это поняла. Поняла и приняла.

Одарив улыбкой детвору, Петр прошел в помещение кафе, и прошел напрямик к стоящему у стойки приказчику.

— Здравствуйте. Чем могу быть полезен, — встретил тот Петра любезной улыбкой.

Впрочем, молодец парень. Умеет себя подать. Не то, что иные, от которых так и веет слащавостью. Вот так взял бы и в морду. Без разговоров, и объяснений. Просто потому, что бесит. У этого же слащавости не было и в помине, даже наоборот, приятно разговаривать. Умеет себя подать. Молодец.

— У вас есть телефон? — поинтересовался Петр.

— Да, конечно, — без намека на разочарование, приказчик указал на круглый столик углу, на котором стоял аппарат.

Ведь просьба Петра означала, что по сути он не собирается ничего заказывать. В принципе, телефон в кафе для посетителей, но нигде не станут отказывать в просьбе позвонить. Это плохо сказывается на престиже заведения. Тем более, господин выглядит весьма респектабельно.

Подойдя к столику, и не присаживаясь на резной стул рядом с ним, Петр снял трубку телефонного аппарата. Раритетная штучка, хотя и без вычурностей, впрочем здесь это просто

современный бюджетный аппарат. А раритетным он станет только по прошествии нескольких десятков лет.

Подумав об этом с мысленной улыбкой, Пастухов набрал пятизначный номер. Вот так. Прогресс шагает семимильными шагами. Во многих губернских городах, на телефонных станциях все еще сидят барышни, а вот в обеих столицах уже действуют автоматические станции.

Ждать ответа пришлось недолго. Буквально через три гудка, на том конце провода сняли трубку, и послышался женский голос.

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, Ирина Анатольевна.

— Да, Петр Викторович? — отозвалась секретарша, сразу потеплевшим голосом.

Вообще-то, Александра была против того, чтобы он заводил себе секретаршу. Мол можно завести и секретаря. А все из-за того, что однажды она поинтересовалась, что это у него за косоворотка такая, с вышивкой, которую он никогда не носит, но в то же время хранит. Пришлось рассказать, что это подарок от его квартирной хозяйки по Красноярску. Остальное она додумала сама.

Н-да. А жена-то у него та еще ревнивица. Бог весть как, но умудрилась раздобыть фотографическую карточку Аксиньи. Еще и вердикт вынесла, мол немолода, но у Петра губа не дура. Одобрила, словом. Угу. А потом без обиняков отстранила от тела. Две недели мариновала, и не поддавалась никаким уговорам. И только когда он перестал настаивать, встревожилась, и сам взяла его в оборот. Вот тогда-то они пожалуй и сподобились. С ребеночком-то.

Но Петр не поддался и настоял на том, что возьмет на работу именно секретаршу. Причем подобрал себе женщину средних лет, семейную, и благообразной внешности. Н-да. Александра не преминула уколоть. Мол и Аксинья молодостью не отличалась, и эта под стать ей. Пастухов же был уверен, что с подобной работой лучше женщины не справится никто. Мужики не такие обязательные и исполнительные.

А что до возраста, так лучше уж пусть у нее будут семейные проблемы. Это куда предпочтительнее роящихся в голове романтических бредней. Он хорошо помнил, на что взяли служанку Игнатьевых, Лизавету. Впрочем, Александра и Ирина Анатольевна вскоре поладили. Женщина вовсе не горела желанием потерять работу, и оказалась отличным дипломатом.

— Ирина Анатольевна, разыщите пожалуйста Сергея Кирилловича, и пусть он мне позвонит по номеру, — взгляд на приказчика.

— Два-двенадцать-пятнадцать, — тут же отозвался тот.

— Два-двенадцать-пятнадцать, — продублировал Петр в трубку.

— Хорошо. Насколько это срочно?

— Это очень срочно.

— Я поняла.

— Милейший, я бы не отказался от обеда. Это возможно?

— Разумеется. Где желаете присесть?

— Пожалуй, вон там, в углу.

Устраиваться на летней площадке не хотелось по двум причинам. Во-первых, он тут как бы ожидает звонка, и далеко отходить от телефона, как бы не резон. Во-вторых, площадка слишком уж открыта, а его отношение к вопросам безопасности было под стать паранойе.

Вот стоит только разок расслабиться, как неприятности тут как тут. Так что, сядет в уголке, и спина прикрыта, и любой вошедший сразу же в поле зрения.

Акимов, бывший частный сыщик, который сейчас был у него начальником службы безопасности, позвонил, когда Петр едва только принялся за суп. Впрочем, данное обстоятельство ничуть его не расстроило. И он поспешил к аппарату.

— Сергей Кириллович, немедленно разыщите мне координаты некоего Лебедева Сергея Васильевича. Знаю о нем только то, что он вроде как химик.

— Не поручусь, что смогу управиться достаточно быстро.

— О нем есть заметка в сегодняшних «Ведомостях». В разделе новостей научного мира.

— Я понял, Петр Викторович. Вы будете ожидать на этом номере?

— Да.

Кухня в кафе оказалась просто замечательной. Или это от того, что Петром овладело нетерпение и вера в непреходящий успех. Во второй раз его позвали к телефону, когда он уже пил кофе.

— Лебедев Сергей Васильевич, декан химического факультета Императорского Петроградского университета.

— Ага. Спасибо.

— Петр Викторович, вы что же собираетесь прямо сейчас его разыскать? — удивился Акимов, уловив это по возбужденному голосу Пастухова.

— Некогда, Сергей Кириллович.

Петр бросил трубку, и поспешил на выход, не забыв оставить плату с щедрыми чаевыми. Очень уж хотелось убедиться в том, что это не очередная газетная утка. Угу. Ко всем этим сенсациям нужно подходить со здоровым скепсисом. Очень уж визгливая и ненадежная братия эти репортеры. Им главное погромче прокукарекать, а там хоть не рассветаи.

Вышел на улицу, привычно бросив взгляд по сторонам, и оценив всех оказавшихся в поле зрения. Оно бы телохранителей завести. Эдак куда надежнее. Кстати, тестя и Кессениха все время сопровождают по два молодца, прошедших серьезную школу войны. Но Петра от одной только мысли, что у него появится личная охрана бросало в смех. На ум сразу же приходили новые русские из его мира. Может и глупо. Но... Ну вот не хотел он заводить охрану, и все тут.

Два пистолета в наплечных кобурах. В автомобиле пистолет-пулемет Томпсона с магазинами на тридцать патронов. Кстати, отличная машинка. Петр остался им доволен, разве только убивала небольшая прицельная дальность. Да идиотскую переднюю пистолетную рукоять заменил на нормальное цевье. Четыре хлопушки светошумовых гранат, с запалами, доработанными Пастуховым до нормальной кондиции. Да парочка дымовых пашек. Ну и напоследок тонкая кольчуга, вшитая под подкладку обычного с виду жилета. Пулю, конечно, не сдержит, но уж ножичком его лучше не тыкать. А то был прецедент.

При таких мерах предосторожности, да еще и разъезжая в бронированном автомобиле, он считал себя в относительной безопасности. Ну, или готовым встретить неприятности, буде таковые возникнут. Все равно глупо? Да он в общем-то и не спорил. Просто, если кто-то всерьез решил тебя убить... Усложнить ему выполнение замысла ты можешь. По-настоящему противостоять будучи в глухой обороне, нет.

Выбежавший из кафе приказчик не успел окликнуть давешнего клиента. Тот уселся в свое авто, и умчался куда-то вверх по улице. Молодой человек только и того, что пожал плечами. После чего вернулся в кафе, и сообщил звонившему, что нужный ему человек уже

уехал...

Одним из корпусов университета было здание двенадцати коллегий. Строение весьма преклонного возраста, заложенное еще Петром Великим. Именно здесь и располагался химический факультет. Ну и как следствие, нужный Петру человек. Ибо где еще может находиться его декан.

Найти Лебедева не составило труда. Первый же попавшийся студент указал ему точный маршрут. В общем ничего сложного. Несколько минут, и вот он уже перед дверью нужного ему кабинета. Иное дело, что непрошеному посетителю пришлось ожидать, пока профессор не освободится. Студенты для него были куда как важнее. Петр, конечно, уважал это, но ждать не любил. И, тем не менее, взяв себя в руки, подпер стенку в терпеливом ожидании.

Примерно через двадцать минут, Лебедев наконец освободился, и Петр сумел к нему прорваться. Вот только долго радоваться данному обстоятельству не пришлось. Они только и того, что успели обменяться приветствиями, и представиться, когда в кабинет ворвалась очередная группа студентов. Возможно, это были любимцы профессора. Но...

Петр решительно выдворил нахалов за дверь. Один из них, особенно бойкий попытался было воспротивиться подобному произволу. Но Пастухов боднул его таким взглядом, что у того сразу же отпало желание связываться с этим бешеным.

— Вообще-то подобное на моем факультете не принято, — наблюдая за происходящим со скрещенными на груди руками, нейтральным тоном произнес Лебедев.

— Прошу прощения, Сергей Васильевич, но я честно дожидался своей очереди в течении двадцати минут, и терять время из-за очередной стайки студентов не могу.

— Вот значит как.

— Увы. Я деловой человек, и для меня, время – деньги. Подчас большие. И здесь я с обоюдовыгодным предложением. Конечно, вы как человек просвещенный и образованный можете выставить в зашей купеческое быдло. Но я все же посоветовал бы для начала меня выслушать. Вдруг, мне все же удастся сообщить вам нечто интересное.

— Хм. Знаете, а вы меня заинтриговали, — вдруг произнес Лебедев и, подойдя к двери, запер ее на засов. — Иначе нам просто не дадут поговорить. Увы, но таков уж у меня стиль управления факультетом. Межу нами говоря, нашей профессуре это жутко не нравится. Но я пока еще жив. Итак, молодой человек?

Ну а что такого. Конечно молодой. Петру сейчас уже двадцать девять. Но и перед ним стоит мужчина за пятьдесят, с правильными чертами лица, высоким лбом, зачесанными назад густыми волосами с проседью, профессорская или может все же императорская бородка клинышком. Кстати, достаточно красивый и представительный дядька. Наверняка если бы у него на факультете обучались бы девушки, они все были бы в него влюблены. Просто тут в дополнение к внешности еще и то, что студенты явно ему благоволят.

— Для начала я хотел бы уточнить. Вот эта заметка в «Ведомостях». Насколько она правдива? — Петр протянул профессору газету, но тот даже не стал брать ее в руки.

— Там все изложено совершенно верно. Мне и моей группе удалось получить пять фунтов синтетического каучука^[1].

— И каковы перспективы?

— Вообще-то это весомое открытие. И коль скоро вы оказались здесь... Кстати, вы сказали, купец. А чем именно вы занимаетесь.

— Скажем так, я зять видного промышленника Игнатьева.

— А его дочь является единственной наследницей, и весьма своеобразной особой – одна

из немногих студенток нашего университета. Пусть она обучается и не на моем факультете, я достаточно хорошо ее знаю, чтобы быть уверенным в том, что эта девица не вышла бы замуж за зятя Игнатьева.

— Все верно. Быть зятем крупного промышленника мне не улыбается. Но чем вас может заинтересовать Пастухов, купец-золотопромышленник? А Игнатьев, это в первую очередь огромное количество автомобильных шин, на изготовление которых требуется неприлично много каучука.

— Хм. Признаться, вы правы. Это первое, что пришло мне на ум. Итак, вы здесь по поручению Игнатьева.

— Вы же только что сказали, что Александра Витальевна никогда не вышла бы за зятя Игнатьева. Я здесь, Сергей Васильевич, потому что сам так решил. И поверьте, у меня вполне достанет средств, чтобы делать предложения от своего имени. К тому же, кубышка в виде приданого моей жены, все еще не распечатана.

И это было правдой. Петр просто не представлял куда можно вложить полученное приданое. Он мог работать сам, а, соответственно, и вкладывать в свой труд. А вот заставить работать деньги... Это явно ни к нему. Поэтому приданое и лежит мертвым грузом. Ну не назвать же оборотом скромные проценты, капающие в банке.

— Итак, вы готовы вложиться в мое открытие? — слегка вздернув бровь, поинтересовался Лебедев.

— Именно.

— И на какую сумму я могу рассчитывать?

— Сергей Васильевич, не бойтесь показаться нескромным, — одарив профессора лучезарной улыбкой, подбодрил Петр.

— Потребуется новая просторная лаборатория, оборудованная по последнему слову науки, и, я не побоюсь этого слова, целый опытный завод.

— Мне нравится ваш подход. Совершенно нескромный. Что еще?

— Я, и только я буду руководить, планировать и определять направление научных изысканий. То же самое относится и к заводу. Разумеется это вчерне. И если на данный момент вас все устраивает, нас ожидает самое интересное. Детали.

— Вчерне, принимается, — без раздумий тут же ответил Петр. — Что касается деталей, надеюсь получить их в письменной форме и в развернутом виде.

— Разумеется.

— Теперь мои условия. И так же вчерне.

— Бесплатный сыр только в мышеловке? Не так ли? — подмигнул Петру профессор.

А что, настроение у него хорошее. Просто великолепное. Еще бы. Не успел добиться первого пусть и значимого результата, как тут же появился тот, кто был готов серьезно вложиться в его открытие. Что же касается выдвигаемых условий. А почему их не должно быть, коль скоро он вкладывает в это дело серьезные средства? А мелочью тут не обойтись.

— Вы сегодня же поспособствуете тому, что распространится слух о том, о некотором преувеличении полученных результатов ваших изысканий, — начал говорить Петр. — И ваши помощники должны будут не напрямую, а опосредованно подтвердить сей факт. С этого момента ваша работа засекречивается. Наружу больше не должно просочиться ни капли правдивой информации. Мы отдельно обговорим вознаграждение за соблюдение секретности.

— Вот значит как?

— Именно так, Сергей Василевич. Есть такое понятие как коммерческая тайна. Я намерен заработать на вашем открытии сам, и позволить сделать это вам. И если вы согласны, то уже сегодня к вам прибудет мой помощник в вопросах безопасности. С ним вы оговорите первоочередные мероприятия. Итак?

— Хорошо. Присылайте вашего человека. До семи вечера я в университете. Потом буду дома.

— Он навестит вас в университете.

— Хорошо. Это все? — взглянув на свои карманные часы, поинтересовался Лебедев.

— Пока да.

— Тогда прошу меня простить, у меня через десять минут лекция, и мне нужно еще подготовиться.

— Конечно. До свидания, Сергей Васильевич.

— До свидания.

Петр отодвинул засов, и вышел на галерею, столкнувшись сразу с четырьмя студентами, тут же хлынувшими в открывшуюся дверь. Бардак. И как только профессор умудряется работать с такой организацией. Интересно, в лаборатории у него так же? Нет. Это вряд ли. А в отношении студентов... Вероятно их учитель не хочет давать им по рукам излишней дисциплиной.

Хм. Ну, если у них все же сладится, то вопрос о дисциплине ему все же придется пересмотреть. Нет, понятно, творческие натуры, и все такое. Но лаборатория и завод будут режимными объектами. Хотя бы потому, что организацией производства одного только каучука дело не закончится. Да взять хотя бы маслостойкую резину для сальников. Вот так просто ее не получишь. Тут еще мозгами покорпеть придется.

Все так. Тому, что закладывалось сейчас, прочилось большое будущее. Можно сказать целое направление в науке. И кто-кто, а Лебедев это прекрасно понимал. Поэтому Петр был уверен в том, что он примет все условия целиком и без остатка. Просто сомнительно, чтобы кто-то еще был готов на столь щедрое финансирование. А Петр был готов. И профессор лишний раз убедится в этом, как только представит ему смету.

Итак, еще утром Пастухов был уверен в том что все же сумеет обойтись собственными средствами. Теперь же от этой уверенности не осталось и следа. Тут бы уложиться даже с учетом приданого жены. Вот как оно все круто изменилось, за какие-то неполные пару часов.

— Петр Викторович, ну наконец-то я вас нашел.

— Сергей Кириллович? — Пастухов с нескрываемым удивлением смотрел на Акимова, стоявшего у основания лестницы.

Интересно, что случилось? Тем более, что они не так давно разговаривали по телефону, и тот не выказывал никакого волнения. А теперь... По его виду не сказать, что случилось что-то из ряда вон, но все же что-то происходит.

— Петр Викторович, Александра Витальевна...

— Что с ней? — у Петра все внутри похолодело.

— Да, Господи, все в порядке. Ну, в смысле... В общем, у нее начались схватки. Доктор и Виталий Юрьевич уже у вас дома. Насколько мне известно, все развивается именно так, как и должно быть. Ну, разве только вас там нет.

— Когда?

— Три часа назад. Я думал, что вы уже в курсе, — выставив перед собой руки в

протестующем жесте, поспешил оборвать возмущения незадачливого папаша, Акимов. — Когда же сообразил, что это не так, вы уже умчались и приказчик в кафе не успел вас остановить.

— Так. Ладно. Мне надо домой, — растерянно произнес Петр.

— Давно пора, — подтвердил Акимов.

— А для тебя есть работенка. Здесь. В университете...

Петр наскоро ввел начальника безопасности в курс дела, и убедившись, что тот все понял, поспешил к своему «Руссо-Балту». Ч-черт! Прости, Господи! А-а-а, к ляду! Он сегодня станет отцом! Бегом, бегом отсюда. Домой, едрить твою в качель!

В отличие от своего тестя, Петр предпочитал проживать за городом. Поэтому и небольшую усадьбу поставил даже не в Петрограде, а на окраине городка Колпино, в котором проживало меньше двадцати тысяч человек. Неподалеку заложили и завод. Это было продиктовано вопросами безопасности. Все же небольшой городок, где все на виду. Так куда спокойнее, и уж тем более, когда бояться приходится не столько за себя, сколько за своих близких.

Вот только подобное столь удачное, по мнению Петра, расположение, предусматривало под собой и некие неудобства. В частности, от центра Петрограда, где он сейчас находился, до его дома было порядка тридцати километров. А это при всем желании никак не меньше часа езды. Если не больше.

Нет, дело вовсе не в пробках. О них в этом мире пока еще и слыхом не слыхивали. Так, небольшие заторы на дорогах, которые можно без труда объехать по соседним улицам. Но ведь и с правилами дорожного движения пока еще полный швах. Поэтому под колеса могут выбежать не только вездесущие дворняжки, но и дети и даже вполне себе почтенные граждане. А тут еще и практическая бесшумность парового авто. Вот и приходится ездить с крайней осторожностью.

Едва выбравшись на Московский тракт, Петр тут же вдавил педаль акселератора и буквально помчался по дороге. Вообще-то грейдер не больно-то подходит для гонок. Но его бронированный «Руссо-Балт» был достаточно тяжел, чтобы не подпрыгивать на каждой неровности. Да и следили за этой дорогой не в пример другим. Все же ниточка, протянувшаяся между Старой и Северной столицами. Вот и летел Петр, торопясь к жене, только столб пыли за спиной.

При въезде в Колпино, все же пришлось сбавить скорость. И дело тут не столько в том, что кто-то может угодить под колеса. Это не мощные улицы столицы. Даже при небольшой скорости по пыльным улицам городка, поднимается изрядное количество пыли. А уж стоит только придавить педаль акселератора...

Проехав город насквозь, он свернул влево, на недавно появившуюся дорогу в сторону Невы. Еще через полверсты на развилке ушел влево. Эта ветка вела к усадьбе. Вторая — к строящемуся заводу. По дороге он разминулся с парой грузовиков, и один обогнал. Строительство идет согласно графику.

Если все сладится как надо, то неподалеку от этого завода появится и каучуковый, вместе с его лабораторией. Места в избытке. Петру, при содействии тестя, удалось выкупить изрядный надел, с учетом будущего роста производства. Уже сейчас он собирался наладить выпуск двух видов двигателей, и двух же марок автомашин. Грузовики с дизельными двигателями, и легковые автомобили с бензиновыми.

Грузовики, КАЗ (Колпинский автомобильный завод), должны были поставляться в

компанию по грузоперевозкам. Принадлежать она будет, конечно же, Петру, и обслуживать московское направление с ответвлениями. Под это дело планируется и постройка нескольких заправочных станций.

Легковые автомобили «Нева», по названию реки составят конкуренцию тому самому «Прохору» заводчика Зотова. Не захотел тот, чтобы его автомобили выкупались и оснащались новыми двигателями, и не надо. Теперь придется драться с конкурентом. Именно поэтому Петр и затеял компанию по принятию поправок Государственной Думой.

Оба этих направления им были намечены только в целях рекламы. Производство автомобилей только под собственные нужды – тупик. Даже в случае когда восемьдесят процентов деталей и комплектующих будут закупаться на заводах Игнатьева, этот путь никуда не приведет и не принесет прибыли.

Петр делал ставку на рекламу, и в первую очередь хотел привлечь внимание к двигателям внутреннего сгорания. Заинтересовать промышленников, с тем, чтобы они обратили внимание на новые двигатели. Ведь мало того, что они работают на дешевом топливе, так ведь даже при этом отличаются от паровых машин несомненной экономией.

А вот, что касается каучука, то тут никакого риска. Здесь выиграет тот, кто будет первым. Этому миру, хоть с ДВСами, хоть с паровиками сколько ни дай резины, все будет мало. Так что, Лебедев, это его удача. Ну и он, Петр, удача профессора. Ну где он еще сможет сразу же получить столь щедрое финансирование?

Государство? Пока оно почешется, рак на горе свистнет. Промышленники? Эти не станут спешить, пока реально не убедятся в том, что это не очередная утка. Петр же знал точно, что синтетический каучук это не сказки про белого бычка.

Нет, конечно стопроцентной уверенности в том, что Лебедев действительно добился успеха не было. Но с другой стороны, пока ничего не подписано, и убедиться в достоверности информации время еще будет. А вот ковать железо нужно пока оно горячо.

Едва въехал на территорию усадьбы, как покрывки тут же зашуршали по асфальту. Это дорожное покрытие пока еще достаточно редкое явление. В столицах и губернских городах улицы уже асфальтируют, но даже там площадь асфальтированных дорог достаточно скромная. Но владельцы частных усадеб не скупятся на новинку. Как и некоторые промышленники, стремящиеся избавиться от грязи на территории своих заводов.

Обогнув двор по дуге подъездной дорожки, свернул к навесу. Там уже стояли два «Руссо-Балта». Один принадлежал жене, второй тестю. Вот так вот. Крупнейший владелец автомобильных заводов России, а все его близкие раскатывают на изделиях совершенно другой марки. Ну да, о том, кто именно специализируется на бронированных лимузинах уже говорилось. А что делать? Сбрасывать со счетов клятый тайный клуб никто не собирался.

Александра, конечно, во многом поумерила свой пыл в плане эмансипации, но все же до конца свои позиции не уступила. В частности, настояла на приобретении ей личного автомобиля. И управляла им она лично. Двое телохранителей при ней были только охраной и не более. Конечно, ей было несколько неприятно постоянное присутствие двух обломов. Но все же доставало здравого смысла не усложнять жизнь ни себе, ни им.

Игнатьев, которому случалось кататься и с компаньонами, предпочитал держать заднюю часть салона свободной. Поэтому двое охранников занимали передние сидения. Соответственно, один из них выполнял функции водителя.

Во так они и живут. Можно сказать на осадном положении. Территория усадьбы выгорожена высоким забором и охраняется четырьмя круглосуточными постами. Все деревья

вокруг вырублены под корень на расстоянии полукилометра. Так, чтобы ни одна зараза.

Вообще-то благодаря гангстерским войнам в Америке, сейчас балом правит «томпсон». Киллеры устраивают целые побоища, с грохотом и канонадой. Об убийствах посредством одного стрелка и единственного выстрела Петр пока не слышал. И все же предпочитал перестраховаться. На строительстве Транссиба он уже убедился, насколько местные эффективно могут использовать снайперов. Так что чистое поле. А чтобы все выглядело не так страшно, насажали полевых цветов. И вокруг получились отличные и свободно просматриваемые луга.

— Как тут? — едва войдя в гостиную и заметив тестя с рюмкой в руке, поинтересовался Петр.

— Никак. Не разрешилась еще, — огрызнулся Игнатъев, опрокидывая в себя коньяк.

Нет. Отношения у них самые что ни на есть хорошие. Было дело, конечно, Игнатъев встал на дыбы, не желая получать зятя вместе с теми проблемами, что он нес на своем заливке. Историю с тайным клубом промышленников Виталий Юрьевич воспринял со всей серьезностью. И уж тем более, после публикации в прессе целого ряда разоблачительных статей.

Опять же, затеял самое детальное расследование по факту гибели Верховцева, с которым некогда работала его дочь. Полученные выводы его не обрадовали. И это мягко сказано. Он попытался встать стеной между дочерью и Петром. Сам Петр, несмотря на принятое в больнице решение, решил также дистанцироваться от Александры. Но ни отец, ни жених, не смогли противостоять натиску девушки, сметающей препятствия на своем пути почище любого бульдозера.

Впрочем, на ее стороне было неоспоримое преимущество. Петр все же любил ее, и по-настоящему сопротивляться ей не мог. Эта же болевая точка имела и у Игнатъева. Так что мужчинам пришлось переглянуться и, пожав друг другу руки, заключить союз, как деловой, так и семейный. Ну и единым фронтом против клятых врагов. А то как же.

Петр подошел к столику, и взяв бутылку с шустовским коньком, наполнил рюмку. Потом посмотрел на Игнатъева. Виталий Юрьевич обреченно махнул рукой, и подставил свою рюмку.

— Господи, пронеси, — выдохнул Игнатъев.

Петр поддержал короткий тост энергичным кивком. Чокнулись. Выпили. В закуске не было никакой необходимости, коньяк провалился как вода. Но Петр все же взял ломтик лимона с сахаром и молотым кофе. Так. Больше по привычке. Потому что нравившегося ему вкуса так и не ощутил. Пить он не любил. Но вот так, когда чувствуется и букет и особый аромат... Вот только сейчас вкусовые рецепторы отчего-то не работали.

Наконец, в гостиной появился пухленький дядька с круглым, румяным и добродушным лицом. На мясистом носу пенсне. На голове изрядная залысина, остатки же коротко острижены. Пиджака нет, только жилетка, с цепочкой от покоящихся в кармашке часов. Рукава белой рубашки закатаны. Петр неосознанно посмотрел на них, подспудно пытаясь обнаружить следы крови, и с облегчением не замечая ничего подобного.

Доктор, а это был семейный доктор Игнатъевых, прошел к столику, и без обиняков наполнил рюмку коньяком. Потом разом опрокинул его в себя. Занюхал кулаком. Крякнул. Слово и не благородный напиток выпил, а закинулся ядреным деревенским самогоном. Впрочем, коньяк — крепкая штука и если пить его вот так, то удовольствия не доставляет.

— Ну, — разом выпалили Петр и Виталий Юрьевич.

— Замучили меня паршивки, — наконец выдохнул доктор.

— ...

— Ну чего смотрите на меня. Девка у вас. И, похоже, удалась в мамку. Такая же упрямая. Никак не хотела выбираться из теплой утробы.

— А Сашенька, — нервно сглотнув, выдавил из себя Петр, которому не понравились слова доктора.

— Помучилась, сердешная. Но Господь милостив. В принципе, я уже могу ехать. Но пожалуй побуду до завтрашнего утра. Так мне спокойней, да и вам тоже.

— И это правильно, Иван Порфирьевич, — тут же облегчено зашебетал Игнатъев. — Опять же, что толку с этого недоросля. А мы с вами друг друга знаем хорошо и уже давно. Посидим по-стариковски. Эка. Видишь, теперь вот и я дедом стал. А там и Дмитрий Ильич подтянется, с делами уж должен был управиться.

— Да-а, давненько мы вместе не сживали, — авторитетно согласился доктор. — Вы куда, молодой человек? — вдруг резко окликнул он, дернувшегoся было Петра.

— Туда, — кивнув головой, ответил Пастухов.

— Нечего вам там делать. Умаялись они обе. Спят. Вот проснутся, тогда вас и позовут.

— Вот так, Петр. А ты думаешь мне не хочется, — крякнул Игнатъев, а потом махнул рукой, — А ну-ка, молодой, наливай. Может хоть сейчас коньячком насладимся.

— Мистер Дайсон.

Приветствуя вошедшего, мужчина поднялся из кресла. Был он среднего роста, среднего сложения и даже внешность у него была средней и невыразительной. Такого никогда не заметишь, взгляд сам собой скользнет мимо, потому что там не на чем задерживаться. Разве только глаза выдавали человека умного и незаурядного. Впрочем, в иной обстановке он умел придавать своему взгляду блеклую неприметность. Ту самую усредненность. Но здесь это было лишним.

Вошедший был преклонного возраста, если не сказать стар. Даже на вид ему было около восьмидесяти. Правда дряхлости не было и в помине. Эдакий живчик, еще достаточно крепкий, чтобы пройти на охоте пешком километров двадцать, и не упасть обессиленным в конце столь знаменательного приключения.

И это не фигура речи, потому что мистер Дайсон был заядлым охотником. Трофеи со всего света украшали его кабинет в виде полноценных чучел и голов на стенах. Но он не обделял своим вниманием и леса доброй старушки Англии. Впрочем, справедливости ради, нужно заметить, что в Англии он в основном и охотился. Уж слишком много у него было дел на этом острове.

— Сиди, Эдвард. Сиди, — добродушно, и даже где-то по-отечески, помахал рукой старик.

— Благодарю, мистер Дайсон, — с легким кивком, обозначающим поклон, ответил мужчина, тем не менее оставшись на ногах.

Он опустился в кресло только после того, как хозяин кабинета обошел большой стол и опустился в кожаное кресло, придававшее своему хозяину эдакое величие. Хм. Вообще-то, этот старик и был по-своему велик. Мало нашлось бы людей в мире, способных похвастать таким же влиянием, как мистер Дайсон.

В тысяча восемьсот семидесятом году Джеймс Дайсон построил свою первую компактную паровую машину. Это было ровно пятьдесят пять лет назад. За это время прогресс шагнул далеко вперед. И во многом это стало возможным именно изобретениям этого, все еще крепкого, старика.

Однако он на этом не остановился. Он сумел сплотить вокруг себя видных промышленников со всего света, и создать некий тайный клуб. Его деятельность не прекращалась ни на мгновение, даже несмотря на начавшуюся мировую мясорубку. И даже несмотря на то, что его члены являлись представителями противоборствующих сторон.

Кто-то сказал бы, что они-то и есть те самые серые кардиналы, развязавшие настоящую бойню. И был бы не прав. Они, конечно же, имели свой вес и авторитет перед правительствами своих стран. Но не настолько, чтобы диктовать им свою волю. Более того, будучи членами одного клуба и вроде как в добрых отношениях между собой, они не обменивались технологиями. Их продукция вела самую настоящую конкурентную борьбу на полях сражений.

И да. Они хорошо погрели руки на людской крови и страданиях. Как говорится, кому война, а кому мать родная. Членство же в клубе являлось некой гарантией, на случай если ты окажешься в стане проигравшей стороны. Во многом благодаря именно членству в клубе, крупные промышленные предприятия Германии, Италии и переставшей существовать

Австро-Венгрии, практически не понесли ущерба. Нет, понятно, что потери были. Но относительно того что могло быть, члены клуба можно сказать отделались легким испугом.

— Итак, Эдвард, ты можешь доложить о ситуации в России? — наконец устроившись за столом, поинтересовался старик.

— В общем и целом, несмотря на нападки газетчиков, ситуация в Российской империи находится под контролем. Разумеется, за исключением этого купца Пастухова и его инженера Кессениха.

— Хочешь надеть мне розовые очки? — вздернул бровь мистер Дайсон.

— Ни в коей мере. В настоящий момент им конечно удалось построить завод, где они намереваются наладить производство бензиновых и соляровых двигателей. Но по большому счету, это не имеет значения. Без особой агрессии и нападков, нанятым нами газетчикам удастся выливать достаточно грязи на двигатели Кессениха, чтобы у тех не было сбыта. Пастухов изрядно вложил в строительство завода, и подготовку кадров. Так что даже подпитка в виде золотого прииска вскоре ему уже не поможет. Игнатъев, конечно, предоставил своей дочери приданое, но сам уверенности в задумке зятя не испытывает, и устанавливать новый двигатель на свои автомобили не спешит. Да ему и не позволит этого сделать военное министерство, его основной заказчик.

— Но гражданский сектор остается свободным от военных обязательств Игнатъева.

— Это так.

— И в России имеются богатые месторождения грозненской и бакинской нефти. Так что, недостатка в жидком топливе они испытывать не будут.

Если в европейских странах, позиции машин на твердом топливе были достаточно прочны, то Россия и Америка в этом плане представляли собой серьезную проблему. Наличие больших запасов по-настоящему дешевого, если не сказать бросового топлива, могло способствовать закреплению позиций новых двигателей.

— Не все так просто, мистер Дайсон. Военные во всем мире одинаковы, и мыслят достаточно консервативно даже в военное время, а уж в мирное, так и подавно. Они исходят из той позиции, что паровые машины универсальны и работают на любом топливе – нефть, уголь, торф, дрова. Новые же двигатели потребуют только жидкое топливо, и армия будет зависеть от его бесперебойных поставок. А это крайне неудобно. Так что, с этой стороны, опасности никакой нет. В гражданском же секторе, Пастухову и Кессениху предстоит преодолеть стойкое предубеждение покупателей против этих двигателей. А это очень сложная задача. Практически невыполнимая. Ведь помимо самих автомобилей, нужна еще и инфраструктура. А ее без сбыта и прибылей не наладить. Словом, эта их затея прямой путь к банкротству.

— Но Пастухов на что-то надеется, — скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Дайсон.

— Да. Все говорит именно об этом. Он собирается наладить выпуск своих автомобилей на базе продукции Игнатъева. Рассчитывает заинтересовать гражданский рынок. Но, как я уже говорил, реализация этого практически нереальна. К тому же наши репортеры не дремлют, и постоянно подогревают негативное отношение к новым двигателям. Жаль, мы не успели прибрать к рукам Игнатъева. Тогда все было бы куда как проще. Сейчас же, это уже невозможно.

— Отчего же?

— Он теперь совершенно точно знает, что некий русский инженер Верховцев погиб

вовсе не случайно и не от взрыва своего же детища. А единственная дочь Игнатьева, была помощницей этого инженера. То есть, могла также погибнуть.

— Но ведь не погибла же, — с недоумением вскинул брови старик.

— Эти русские весьма странный народ. Они предпочитают не рациональный подход, а эмоциональный. Она могла пострадать от наших рук, и для него этим все сказано. Воздействовать на него мы не можем. Во-первых, он настороже, и обложился охраной. Во-вторых, его плотно опекает русская контрразведка. А они, в свою очередь, как и их коллеги во всех лидирующих странах, сейчас слишком взвинчены.

— И ты говоришь, что ситуация в России под контролем? Там вот-вот будет налажено производство новых двигателей, и даже автомобилей оснащенных ими. Но тебя куда больше занимает ситуация в других странах.

— Мистер Дайсон, как я уже говорил, при минимальном воздействии с нашей стороны, эта сладкая парочка Пастухов и Кессених сами разорятся. У Игнатьева настоящее звериное чутье на перспективные проекты, и он дистанцировался от своего зятя, не желая влезать в его дела. Он даже комплектующие будет продавать по обычным ценам, без скидок. И коль скоро в это дело не захотел ввязываться даже тесть Пастухова... Тут главное не мешать, и огонь прогорит сам собой.

— Думаешь? — вновь усомнился старик.

— Уверен. Как и в том, что их разорение будет самым лучшим подтверждением бесперспективности данных двигателей. А ввиду того, что кроме этих двоих, иной активности в данном направлении у русских не выявлено, как я и говорил, в России мы все держим под контролем.

— И все же, по-моему ты должен действовать радикально, — поджав губы, высказался старик.

— Раньше вы хотели доставить Пастухова для личной встречи.

— И это стоило нам двух групп в России. Хватит игр. Просто убейте их.

— Не думаю, что это будет правильным. Даже если Пастухов сейчас самолично застрелится, или разобьется насмерть при большом стечении народа, газетчики вновь поднимут визг на весь свет. Понимаю, гибель русских не больно-то трогает европейскую общественность. Но ведь с этим русским купцом немецкий инженер. Тем более, что мы доподлинно знаем, кто именно дирижирует оркестром репортеров. И с их гибелью, механизм продолжит работать. Так что, мы создадим еще одних мучеников, и подбросим масла в огонь.

— Ну и пусть. Плевать. Этих двоих нужно убрать.

— Мистер Дайсон, убить этого Пастухова будет не так чтобы и просто. Это пуганый воробей. Или даже лис, с острыми клыками, не стесняющийся пустить их в дело. И яркое этому подтверждение, ликвидация двух наших групп на русском направлении. Это, если забыть о том, что он является зятем Игнатьева. Признаться, у меня нет желания вешать нам на спину русскую разведку. Война многому научила русских. Нам же, в любом случае, не тягаться с государством.

— И что ты предлагаешь?

— Дадим им год. За это время их идея должна будет прогореть. Если нет, к тому моменту позиции нашей новой группы усилятся, они сумеют подготовить взвешенный удар. К тому же, нам удастся значительно сбавить накал страстей в прессе.

— Значит, выждать?

— Но не сидеть при этом сложа руки, — уточнил Эдвард Аттвуд.

Дайсон открыл коробку с сигарами, взял одну из них и откинулся на спинку кресла. Нет, он не курил. И уже давно. Причем он бросил курить не по рекомендациям врачей, а просто потому, что сам так решил. Но никак не мог отделаться от привычки нюхать сигары. Да и не хотел, по большому счету. Поэтому сигары в его кабинете меняли с завидной регулярностью, чтобы они не выветривались и хранили в себе терпкий аромат табака.

Вот и сейчас, мистер Дайсон с наслаждением втянул носом терпкий аромат, всем своим видом давая понять, что Аттвуда внимательно слушают и он может продолжать. На самом деле, в настоящий момент хозяин кабинета как бы разделился. Одна его часть слушала помощника. Вторая обдумывала другой вопрос.

— Признаться, меня куда больше волнуют американцы, — между тем продолжал Аттвуд. — Если у русских есть только нефть и парочка изобретателей, построивших новый двигатель, то в Америке, хватает как нефти, так и мозгов. Умники со всего света стекаются за океан сплошным потоком. Причем каждым из них владеет навязчивая идея непременно добиться успеха. Разумеется, правительство САСШ, им не оказывает поддержки, но и не мешает. Для финансирования там хватает пронырливых и дальновидных толстосумов. Вот где работы более чем достаточно. Пусть позиции нашего клуба там и достаточно сильны.

— Европейские страны? — возвращая сигару в шкатулку, с задумчивым видом поинтересовался мистер Дайсон.

— Опасения вызывает только Франция и Германия. Остальные в руинах, — пожал плечами, ответил Аттвуд.

— Отсюда я делаю вывод, что тебе нужно за океан.

— Слава Богу, у нас теперь есть Трансатлантические авиалинии. Дирижабль домчит меня до Америки всего за три дня.

— Н-да. Трансатлантические линии, это замечательно, но тебе, пожалуй, больше подойдет Трансевроазиатская авиалиния, — вновь откидываясь на спинку кресла, и скрещивая пальцы на животе, произнес мистер Дайсон.

— ..., — Аттвуд, в недоумении посмотрел на своего босса.

— Не понимаешь?

— Нет. Я понял, что вы настаиваете на сосредоточении усилий в России. Но не понимаю при чем тут именно Трансевроазиатская авиалиния.

Год назад таковая была открыта. И пусть рейсы отправлялись только раз в неделю, всем было понятно, что это только начало. Русский Дальний восток постепенно набирал вес и становился все более и более привлекательным. И теперь до Владивостока можно было добраться прямо из Парижа.

— И потом, — продолжил Аттвуд, — мне показалось, что вы признали правильность моих выводов.

— Признаться, Эдвард, от тебя я ожидал большей проницательности. Пойми, в Америке конечно же сосредоточено много мозгов, и они готовы на все, чтобы добиться успеха. Но они только пытаются что-то создать. В России умников пока только двое, но они уже построили свой двигатель. И если из известного нам, правда хотя бы половина... Конечно, то что они прогорят шансы довольно велики. Но мне не хотелось бы рисковать. Насколько я помню, этот самый Пастухов весьма занимательная личность и успел обзавестись целым ворохом врагов. В том числе и в среде уголовников.

— То есть, вы считаете, что мне необходимо отправиться в Сибирь и разыскать тех

самых бандитов, с которыми у Пастухова серьезный конфликт. Обеспечить их бегство, и натравить на него.

— Именно.

— Только боюсь, для начала мне придется сделать остановку в Петрограде. Во-первых, нужно будет разыскать следы этих каторжан. А во-вторых, начать компанию в прессе в отношении Пастухова. Нужно будет напомнить обывателям о том, что этот индивид успел поссориться с целой прорвой решительно настроенных людей.

— Вот теперь я вижу, что не зря остановил свой выбор именно на тебе, — удовлетворенно произнес старик.

— И все же, мистер Дайсон, я по-прежнему убежден в том, что самое лучшее, что мы можем предпринять, это предоставить возможность этим двоим прогореть самим.

— Ты можешь быть убежден в чем угодно. Но сделаешь то, что говорю я. И сделаешь со всем прилежанием, — жестко ответил хозяин кабинета.

— Разумеется, — коротко кивнув, изображая поклон, ответил Аттвуд.

После ухода своей правой руки, мистер Дайсон разложил перед собой бумаги, и приступил к работе. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал удерживать бразды правления компании в своих руках. Сыновья, разумеется, также принимали участие в работе. Более того, случись с ним несчастье прямо сейчас, и он ничуть не сомневался в том, что они подхватят семейное дело, и компания продолжит работать, словно и не произошло смены руководства.

Джеймс Дайсон положил много сил на то, чтобы не просто воспитать достойных сыновей, но и на то, чтобы оба они прекрасно дополняли друг друга. Чтобы даже помыслить не могли о предательстве. Они всегда должны были оставаться одним целым. И, похоже, ему удалось добиться своего.

Но сидеть просто так? Нет, он не мог себе этого позволить. Если бы он находил удовольствие в садоводстве или огородничестве, быть может он и занялся бы грядками и клумбами. Но тяги к этому у него не было. Вместо этого он предпочитал работать с железом, и создавать все новые и новые машины и механизмы. Именно в этом он находил искренне удовольствие.

Казалось бы, есть пост председателя тайного клуба промышленников, отнимающий немало сил, нервов и времени. И не сказать, что он хотел бы оставить это кресло. Но настоящее удовольствие он все же получал только тогда, когда творил.

Дверь открылась, и в кабинет вошел вышколенный дворецкий. Не произнеся ни слова, он положил на угол большого стола, обшитого зеленым сукном, блестящий поднос с корреспонденцией. Коротко поклонился. И все так же молча, вышел.

Мистер Дайсон, еще какое-то время работал с бумагами. Потом наконец протянул руку к корреспонденции. Для начала просмотрел газеты. Ничего интересного. Обычное дело. Одни репортеры обличают тайный клуб. Другие откровенно их высмеивают, требуя без обвиняков назвать конкретные имена. Ну, коль скоро эти обличители говорят «А», так пусть они в таком случае скажут и «Б».

Кто бы сомневался. Правдоискатели либо упрямо делают вид, что не замечают этих нападок, либо вступают в спор, неизменно придерживаясь обличительного тона. Но конкретных имен нет. Дайсон не сомневался, у затеявшего это Пастухова был список членов тайного клуба, пусть неполный, но был. Его просто не могло не быть. А вот сколь-нибудь приемлемых доказательств не имелось. И если найдется хотя бы один репортер, кто

необдуманно назовет имя... Адвокаты буквально разорвут его на части. Впрочем, репортеры это также понимают. Вот и не лезут на рожон, несмотря на множественные провокации.

Хм. А может Аттвуд все же прав. Не нужно явственно мешать Пастухову самому похоронить свою перспективную идею. А она перспективная. В этом нет никаких сомнений. Разве только самую малость, исподволь продолжать сеять зерна сомнений.

Нет. Этот упертый тип не отступится. Одно то, что он русский, уже говорит о многом. Этот народ отличает подчас невероятное упорство в достижении поставленных перед собой целей. Причем, даже если это будет стоить невероятных усилий и больших жертв. Да. Если русские решат, что это им нужно, остановить их невозможно.

Так что, никаких сомнений. Необходимо действовать радикально. Причем, в первую очередь убирать именно Пастухова. Он наиболее опасен, из-за своей непредсказуемости и упрямства. С Кессенихом потом можно будет сладить и иными путями. Он немец до мозга костей, а этих отличает рационализм и практичность.

В правоте своих выводов мистер Дайсон убедился этим же вечером. Он вновь находился в своем кабинете, когда получил вечернюю корреспонденцию. И там, среди прочего, было донесение из России. Это помощник Аттвуда старается. Напрасно. Подсидеть своего шефа у него не получится. Во всяком случае, пока Дайсон при твердом уме, и трезвой памяти.

Вот значит как. Русским ученым удалось получить синтетический каучук. Ну-ну. Молодцы. В настоящий момент открытие как таковое не имело сколь-нибудь значимого значения. Имеющийся спрос с запасом перекрывается предложением природного каучука.

Нет, потребности в каучуке будут постоянно расти, и это неоспоримо. Но ведь именно исходя из прогнозируемого роста, сейчас и закладываются все новые и новые плантации гевеи^[2]. Так что у синтетического каучука есть только один шанс, оказаться востребованным. Если он окажется значительно дешевле природного каучука. А это сомнительно.

Нет, дело вовсе не в том, что практически сразу же поползли слухи о том, что успех Лебедева якобы дутый. Мол, на самом деле все совсем не так, и группа потерпела неудачу. Хм. Ну-ну. Экая наивная попытка отвлечь от открытия. Впрочем, о причинах происходящего мистер Дайсон узнал тут же.

Оказывается, открытием заинтересовался Пастухов. А этот молодой человек любил наводить тень на плетень. Значит, либо Лебедеву удалось открыть дешевый метод производства синтетического каучука. Либо Пастухов рассмотрел в этом какой-то потенциал. А в прозорливости ему не откажешь. Он может видеть на дальнюю перспективу.

Итак, Аттвуд оказался совершенно прав. Пастухов и сам не верит в то, что может добиться успеха с двигателями внутреннего сгорания. А потому готовит площадку для отступления. Каучук это совершенно иная ипостась. Резина уже давно известный товар. Потребность в ней год от года только растет. И в основной массе – для производства автопокрышек и камер.

И если этому Лебедеву удастся удешевить процесс получения каучука, с приличным продуктом на выходе, сбыт им обеспечен. Впрочем, его может постигнуть и неудача. А что? Такое случается сплошь и рядом. В любом случае, это не входит в круг интересов Дайсона. Его епархия машиностроение. А каучук... Пусть по этому поводу болит голова у кого другого.

В бараке было душно так, как бывает только в жаркую безветренную погоду, в плохо держащем тепло помещении, в котором проживает две сотни человек. Не помогало даже то, что наступил вечер. Ничего, в общем-то, удивительного. Потому что в безветрие это не имеет

значения. Вообще-то, явление на берегу Байкала достаточно редкое. И, тем не менее, именно сегодня, все эти составляющие сошлись в одной точке.

В такие моменты хочется только одного. Прохлады, и чистого воздуха. В бараке даже в холод стоит неистребимая вонь, а уж сейчас так и подавно дышать нечем. Человеку непривычному станет дурно от одного-единственного вдоха. Воздух настолько напитан миазмами, что того и гляди Богу душу отдашь.

Вот только человек такое существо, что способен приспособиться к самым невыносимым условиям. И уж тем более, если это лишенный выбора каторжанин. Так что, помереть к утру от духоты, никто не боялся. Вот только, отсутствие свежего воздуха и комары, которых здесь просто прорва, сейчас вовсе не были проблемой обитателей барака.

— Может передумаешь, Ванюша. Вот ей-ей, так лучше будет, — покачав головой с показной сердобольностью, произнес седовласый каторжанин, с густыми, обвисшими и седыми же усами.

Сложения он был щуплого, но не поэтому не лез в первые ряды. Есть помоложе, половчее и посильнее его. Так что незачем показывать свою молодецкую удасть. Да и доказал он уже всем и все. Об этом свидетельствовал его взгляд. Так смотрит только тот, кто ни в грош не ставит человеческую жизнь. И все о том прекрасно знали.

— Меня зовут Иван. Так мамка с батей нарекли, так в приходской книге записано, так и на могиле моей будет написано, — покачав головой, упрямо ответил мужчина крепкого сложения, который даже здесь умудрялся следить за своим обликом.

Вообще-то, не такая уж и редкость на каторге. Тот же старик, вполне ухожен, одет чисто и опрятно. Тут ведь все от человека зависит. Ну, порой и от того, кем этот человек является. И воспитание тут ни при чем. Потому как среди каторжан хватает народа из мещан, купцов и дворян.

Несмотря на прежний образ жизни и образованность, среди них нередки самые настоящие чушки. И дело вовсе не в том, что они вдруг разучились за собой смотреть. Их попросту сломали, загнали на самое дно. И лишь по той причине, что они оказались не в состоянии за себя постоять. Или недостаточно пронырливыми, чтобы найти себе покровителя.

Стоявший перед четверыми быками мужчина, за себя постоять мог, и пользовался определенным авторитетом, а потому и выглядел как и подобает уважающему себя урке. Впрочем, от урки в его облике было мало. Да что там. Вообще не было ничего. Он отличался от них всем. Одеждой, повадками, речью. И вообще казался инородным в этом месте.

— Глупый ты человек, Ванюша. Ну чего артачишься? Иль жизнь не дорога?

— Отчего же. Жизнь она всем мила. Да только ведь и жить можно по-разному. Можно человеком. А можно под шконкой, как тварь дрожащая.

— А тебе, значит, так неможется?

— Неможется, Крапива.

— Вот дурья твоя башка. Ить, сломать любого можно. Гляди, озлоблюсь, и станешь ты Валентиной, и задом станешь вилять, как дворняга хвостом.

— Это да. Сломать любого можно. Но только не того, кто сдохнуть готов. Я готов. А вы, ребятки? Готовы ли? — переведя взгляд на быков, поинтересовался Иван.

— Вре-ошь, Ванюша. Те, кому жизнь не мила, те до каторги не доходят.

— А я разве сказал, что мне жизнь не мила? Как раз наоборот. Жить я хочу, и жить красиво. Но скажи, Крапива, если тебе дадут в руки кайло, ты станешь работать? Ведь нет. А

все потому, что выбор у тебя невелик. Ведь возмись ты за кайло, и уважения к тебе не станет. А без него тебе и жизнь не мила, потому как кроме отношения к тебе людей, у тебя ничего своего и нет. И незачем тебе жить, кроме как для этого самого уважения. Вот и мне дерьмом жить незачем. Но и за так себя прирезать не дам.

Имечко у него что надо. Иваном зовут. А иваны в криминальном мире, это авторитеты. Ну и какой блатной позволит тебе незаслуженно так называться? То-то и оно. Ни один уважающий себя иван не потерпит рядом с собой подобного тезку, пусть он хоть трижды деловой. Нет, если в силах отстоять звание, если есть те кто тебя поддержит, то разговор иной. А вот так, под дурачка... Шалишь.

Иван на каторге уже почти два года, а потому, разумеется, об этом знал. Просто на эту каторгу, на строительстве Кругобайкальской железной дороги, он прибыл только сегодня. Вечерним этапом. Вот и вышла неувязочка. Ну а ронять себя никак нельзя. Потом не возрадуешься. Потому и приходилось иди по лезвию.

А все оттого, что в преступном мире сейчас шла ломка, и устанавливался новый порядок, который продвигало абсолютное большинство авторитетов. И они звались уже не иванами, а ворами. Зарождался воровской закон. Причем требования предъявлялись не только к низшему звену. Как раз наоборот, воры сами себя в многом ограничивали и устанавливали серьезные барьеры. Но взамен, они получали серьезные преференции.

Но, самое главное – власть в воровском мире. Теперь вору не нужно было непременно обзаводиться собственной кодлой. Потому как он для всех сидельцев непреложный авторитет. И даже оказавшись на каторге один, никому и ничего доказывать не должен был. Достаточно было обозваться, чтобы тут же получить причитающееся его статусу положение.

Конечно, своих подручных они также имели, но выбирали их уже на месте. И каждый урка почитал за честь оказаться рядом с воровом. Стать его помощником и правой рукой. И работал закон не только на каторге, но и на воле. Кроме этого у воров на хранении находился воровской общак.

Иное дело, что пока это были только намерения. Так сказать цель, до которой еще было идти и идти. Потому как не все авторитеты были готовы принять этот самый воровской закон. Здесь как и при любых реформах, есть как сторонники, так и противники.

В иркутской каторжной тюрьме Иван звался своим именем без проблем. Просто не хотел иметь прозвища, и все тут. А вот здесь его имя подействовало как красная тряпка на быка.

— Крапива... — подал было голос один из быков.

— Да погоди ты, Студень, — оборвал его иван. — Порешить всегда успеем. Вишь, человеку голову бреднями о воровском законе забили. В иркутской тюрьме воры верховодят?

— Уж полгода как, — охотно ответил Иван.

А почему не ответить. Говорить все лучше, чем резаться. Нет, понятно, что он готов, и уркам мало не покажется. Но стоит ли? Если есть шанс разойтись мирно. Опять же, видно ведь, что Крапива не хочет попусту лить кровь своих людей. Оно конечно можно. Но как бы не приветствуется. Ну кто пойдет под ивана, который по любой причине пускает своих людей под нож.

И Иван был недалек от истины, хотя всего и не знал. А вот Крапива задумался не на шутку. От прошлой его кодлы остался только Студень. И гибель их осталась неотомщенной. Был этот гад у них в руках, да опять ему повезло. Причем так, как везти на этом свете не должно никому. Вон Студень по сию пору вспоминая о том, зубами скрежещет, потому как

свалила его баба. И плевать, что из пистолетика. Сам факт.

Так что, Крапива сейчас не заинтересован в том, чтобы вновь лилась кровь его людей. Ну что он за иван, если по всякой нужде и без нее, кладет своих людей. Но, за здорово живешь, пойти на попятную тоже не получается. Остается показать, что вместе с решимостью ты не лишен как рассудительности, так и справедливости.

— А ты сколько уж в сидельцах? — продолжал задавать вопросы Крапива.

— Почти два года.

— И как так вышло?

— Попал в хату к Бивню, а он первым на каторге стал ратовать за воровской закон. Как узнал, что меня Иваном кличут, так сразу загорелся и настоял, чтобы я при имени своем остался.

— А ты, как я погляжу, и не возражал.

— А чего мне от имени моего отрещиваться.

— И то верно. Но вишь какое дело. На иркутской тюрьме свои законы, тут свои. Ну и что будем делать?

— Твоя правда. Не прав я, что сунулся в чужой монастырь со своим уставом. Но и ты понимание имей. Откуда мне знать, какие дела вертятся среди деловых. До этого, я к вашей братии касательства не имел.

Ну а что делать. Переговоры сдвинулись с мертвой точки, пошли взаимные уступки. Иначе никак не договориться. Либо так. Либо юшку пускать.

— По батюшке-то тебя как? — поинтересовался Крапива.

— Гордеевич.

— Ну и как тебе батюкино имечко? Глянется?

— Чай отец родной, — пожал плечами Иван.

— Ну так и будешь Гордеем, — подвел черту Крапива, перекрестив Ивана, как бы его не спросясь.

Обострять Иван не стал. Гордей, значит Гордей. Выдавить из сложившейся ситуации больше, было просто нереально. Тут ведь дело-то какое. Каторга воровской закон еще не приняла, и примет ли, непонятно. Хотя может так дела обстоят именно в этом бараке, а в остальных девяти уже давно заправляют воры. Не в курсе он. Воспротивится иван Крапива, новому веянию, и порешат тогда Ивана, как миленького.

— Как батю, значит. Ну что же, Гордеем, значит Гордеем, — принимая авторитет Крапивы, согласился Иван.

Как ни крути, а ему еще четыре года каторги. И он собирался отсюда выбраться. Опять же, должок у него имеется, что жег душу, и требовал расплаты. Нет, за Голубева мстить он не собирался. В конце концов по-настоящему дружны они никогда не были, хотя и повязаны накрепко. Пастухов должен будет ответить за то, что Иван сменил привычную и довольно комфортную жизнь, на каторжное бытие.

— Ну что, Гордей. Проходи к нашему столу, гостем будешь. А вы чего уши развесили? — обвел он взглядом попритихший народ, в большинстве своем расположившийся на нарах. — Отдохнули бы, что ли. Поди завтра кайлом-то намашетесь.

Эти слова словно послужили сигналом, и народ тут же зашебуршился, слышались приглушенные разговоры, возня, едва различимая перебранка или смешки. Ну а что такого. Две сотни человек не могут усидеть молча, по определению. Даже когда барак погружен в сон, абсолютной тишины нет. Тут скорее следует удивляться гробовой тишине во время

разговора ивана с пришлым. Вот уж когда можно было услышать, как пролетает муха.

Не обращая внимания на остальных обитателей барака, Иван, или скорее все же Гордей, прошел в дальний угол, где за столом расположились Кузьма со своей кодлой. Хм. Вот и Гордею предложили вступить в ее ряды. А иначе как расценивать это приглашение к столу. Причем не просто поговорить, а почаевничать. Впрочем, он скорее стал кандидатом. Его еще будут проверять. Причем жестко. Но Гордея это вполне устраивало.

Постепенно керосинки гасли одна за другой, и барак погрузился в темноту. И только в дальнем углу продолжала гореть одна лампа. Крапива со своими подручными засиделся, попивая горячий чай. В такую жару оно конечно, как бы и не то. Но с другой стороны, самогон и вовсе поперек глотки становился. А ложиться спать в такую рань, таким авторитетным людям, как-то не к лицу...

Так прошел первый вечер Гордея на новом месте, куда его перевели в связи с нехваткой рабочей силы на строительстве Кругобайкальской железной дороги. Народ погибал от несчастных случаев или под пулями снова расшалившихся японских наемников, умирал от болезней, подавался в бега. И всю эту недостачу нужно было незамедлительно восполнять. Так что, на какой иной каторге, людей могло быть и поменьше, но на строительстве Транссиба всегда под завязку.

В течении последующего месяца он успел полностью влиться в кодлу Крапивы. Его без дураков признал своим даже Студень. Ну а как иначе-то, когда тебе спасают жизнь, уводя твою башку из-под удара топора. Нашелся один отчаявшийся, который бросился на делового. После убийства нападавшего, Гордея в бараке стали сторониться. Впрочем, ему было на это плевать. Главное выжить. И наиболее возможно это рядом с иваном. А Крапива там, или кто иной, без разницы.

— Крапива, поди сюда, — повысив голос, позвал конвойный.

— Чего надо, господин унтер-офицер? — вразвалочку приблизившись, к конвойному поинтересовался тот.

Крапива говорил с вальяжностью, на грани дерзости, но все же не переступая через нее. Эдак, чтобы и окружающим показать свой вес, и унтера не задеть за больное. Все в пределах каторжанского этикета, выработавшегося в течении десятилетий.

— Тут с тобой поговорить хотят, — кивнув головой в сторону неизвестного, произнес конвойный.

— Крапива? — смерив его взглядом, поинтересовался неизвестный.

Ивану не понравился этот взгляд. Человек явно уверенный в себе, и не ставящий ни в грош остальных. Во всяком случае, Крапива для него авторитетом не являлся. И вообще, плевать он на него хотел. Пусть Крапива зачем-то ему и понадобился. Не понравился этот умник авторитету, чего уж там. Но, с другой стороны, было жутко интересно с чем этот неизвестный забрел в такую даль.

Одет в добротный костюм, на ногах хромовые сапоги, на голове котелок. Но все же не белая кость. Тут Крапива мог голову прозакладывать. Но и эти места для него в диковинку. Это заметно по повадкам, и по тому, как он отчаянно отмахивается о комаров. Солнышко спряталось за тучами, вот и повылазили кровососы, чтобы им пусто было. Но человек привычный к этим паразитам, не борется с ними с таким остервенением, а скорее делает это с некой усталой ленцой.

И интересный кадр, чего уж там. На боку, деревянная кобура со столь популярным у путешественников маузером. Правда, в сочетании с данным костюмом оружие выглядит

несколько несуразно. Но с другой стороны, мужчина явно умеет обращаться с этим большим пистолетом.

— Ну Крапива. А тебе какое дело? — наконец снизошел до ответа иван.

— Отойдем. Поговорить надо.

— Не могу. Того и гляди, господин унтер-офицер заругается, — с издевательской ухмылкой ответил Крапива.

— Иди уж. Не выделывайся, — махнул рукой конвойный. — Чай не дурень, себе жизнь портить.

Как видно неизвестный хорошо ему приплатил, коль скоро, унтер столь наплевательски относится к своим обязанностям. Не сказать, конечно что каторжные надзиратели и конвойные так уж лютуют. Но воли не так чтобы и много дают. А тут, позволяют отойти в сторону, чтобы можно было поговорить без свидетелей. С другой стороны, вот так, прямо с работы в побег не уходят. А что до разговоров... Ну поговорит неизвестный с Крапивой на территории каторги. Только в этом случае копейка обломится кому другому, только и того.

— Так чем могу быть полезен, человек прохожий? — сворачивая самокрутку, поинтересовался Крапива.

Они отошли не так чтобы и далеко. Всего-то на пару десятков шагов. Но больше и ни к чему. Если говорить не повышая тона, так никто и не услышит. К тому же шума хватает. Кто-то кричит, другие долбят киркой, кувалдой или комлем. Словом, шум стоит изрядный, так что расслышать разговор, даже прислушиваясь, с такого расстояния просто нереально.

— Времени у меня нет, — прихлопывая очередного комара, впившегося в его шею, произнес неизвестный. — Поэтому говорить буду кратко и прямо. Ты на волю хочешь?

— О как. Никак помилование вытребовать можешь, — даже не спрашивая, а скорее подначивая мужчину, произнес Крапива.

— Могу помочь соскочить отсюда.

— А с чего это ты взял, мил человек, что я хочу уходить в побег?

— А ты расскажи мне, как тебе тут нравится. Я же наивный, сразу тебе поверю.

— Вот и я тебе верю, аж спасу нет. Вот прямо держите меня, не то прямо сейчас соскочу. Вот как есть, голый, босой и голодный побегу в Питер.

Крапива одарил незнакомца презрительной улыбкой, и отвернувшись хотел уйти. Ну а о чем еще можно разговаривать с этим придурком. Вот так заявиться, и предложить организовать побег. Ни с того, ни с сего. Правда и не похоже чтобы он нуждался в премии, выписываемой каторжным конвойным и надзирателям. По его виду, она для него уж больно скромная.

— Крапива, стой, — голос незнакомца звучал твердо, если не сказать повелительно.

— Ты обороты-то сбавь, — полуобернувшись, бросил через плечо иван. — Не то две сотни человек, и конвойные в том числе, станут клятвенно заверять следователя в том, что ты сам споткнулся и упал на перо. Эдак, раз пятнадцать. Уяснил?

— Это вряд ли, — покачав головой, спокойно возразил мужчина. — Как сомнительно и то, что кто-нибудь привлечет к ответу меня, если тебе прямо сейчас вышибут мозги. Дело-то для этих мест привычное.

— Это ты местных казачков не знаешь. Они нынче жуть как лютуют. Им же за каждую такую выходку пистон вставляют, — все же оборачиваясь полностью, и невольно озирая окрестности, в поисках незримого стрелка, возразил Крапива.

— Возможно. Да только они станут искать инородцев или японцев. Ну, на крайний

случай, такие же каторжные рожи, как у тебя. А не приличных людей из столицы, приехавших в эти благословенные места на охоту.

— Даже так? — вздернул бровь иван.

— А ты думал, что самый умный?

— Ну и откуда ты такой взялся? — вновь возвращаясь к диалогу, поинтересовался Крапива.

— Я же сказал, из Петербурга, — пожал плечами неизвестный.

— А я-то тебе зачем понадобился?

— Есть человек, который наступил на мозоль серьезным людям. Мы помогаем тебе и твоим людям уйти в побег. Взамен, вы убираете неудобного нам человека. Причем вместе с семьей и его компаньоном.

— А ты часом меня ни с кем не перепутал, мил человек. Я ить за найм душегубством не пробавляюсь.

— Ну, хорошо, хоть агнцем невинным не выставляешься. А то знаешь как бывает. На человеке пробу негде ставить, а он из себя святого корчит.

— Что было, от того не отрекаться. По-разному случалось. Но не за найм.

— Ну, этого человечка ты и так с радостью приголубишь. Иль думаешь я зря именно на тебя вышел?

— И кто это?

— Пастухов Петр Викторович. Ты его все больше знаешь по кличке.

— Уж не про Купца ли ты говоришь, — расправляя плечи, скорее выплюнул, чем произнес Крапива.

— И про его жену.

— Твоя правда. И купца, и лярву его я кончу с удовольствием. Хм. Нет. Ее сначала отдам своим парням. И Студню в первую голову. Она в него три свинцовых гостинца вогнала. И за этих двоих мне платить не надо.

— Так а тебе никто платить и не собирается. Я тебе еще и в подробностях расскажу, где его найти, да как он хоронится. Ну, а в качестве благодарности, за побег и доставку в Петроград, в довесок кончите и дружка его. Инженера Кессениха.

— Да не вопрос.

— Вот и договорились.

— А кто сказал, что мы договорились? — вскинул бровь в искреннем удивлении иван. — Ты, мил человек, поешь-то складно. Да как бы веры тебе пока еще нет. К чему понадобился именно я, допустим понятно. Но вот кто поручится, что ты нас под стволы не поставишь. Сейчас среди деловых такая рубка идет, что только держись. А то может и сам Купец изловчился, чтобы меня порешить. Мужик он серьезный, а православный из него никудышный. Потому как прощать не умеет.

— А ты никак боишься Купца-то, — не удержавшись, хмыкнул незнакомец. — Так, может, мы не по адресу. Тогда счастливо оставаться. А то ведь мог уже к началу следующей недели быть в Питере.

— Это как "к началу следующей недели"? — искренне удивился Крапива.

— А ты думал, мы будем ждать пока ты на своих ножках по тайге дотопаешь до столицы? Ладно. Сам решай, веришь ты мне или нет. Знай одно. Мне убирать его не с руки. Есть причины. Потому и готовы потратиться, чтобы вывезти отсюда и тебя и твою кодлу. Поверишь... Мне плевать, как ты выберешься за забор каторги. На выезде из Выдрино есть

придорожный белый камень. Под ним со стороны Байкала, будет схрон, в который я положу четыре нагана с запасом патронов. Надумаешь выбираться со мной, я буду ждать до утра в версте от этого камня в сторону Байкальска. Не появишься к рассвету, твои трудности.

Больше не говоря ни слова, так и не представившийся мужчина направился прочь. Только теперь Крапива обратил внимание, что тот был на грузовике. Устроился в кабине, да и тронулся себе. Отъехав сотни на две сажени, он остановился, и из леса к нему вышел другой мужчина, у которого по всему виду в руках была винтовка.

Вот оно значит как. Не блефовал выходит, мужик. И впрямь, стрелок за ними наблюдал. Сейчас-то Крапива припомнил, что мужчина все время стоял чуть в сторонке, чтобы не загоразживать Крапиву от стрелка. Н-да. Получается, и впрямь с костлявой разминулся.

То, что это не ловушка служащих каторги, он понял сразу. Не клеился тут никаким боком и Купец. Очень уж все заковыристо. А он мужик простой и конкретный. Захотел бы, так давно уж приплатил бы тем же казакам. У него среди них знакомцев хватает. Они бы враз израсходовали кого угодно. А потом еще и сами же гонялись бы за стрелками. А такая заумь... Лишнее это и весь сказ.

В побег уходили всей кодлой. Ну, коль скоро неизвестный грозился вывезти всех. А вот к схрону Крапива отправил одного Варнака. Если вдруг там засада... Словом, остальные успеют вернуться обратно. Ну или повинятся в побеге, если там уж все всполошатся. Ничего, посидят в кандалной, не впервой. Зато живы останутся.

Но Варнак вернулся с четырьмя заряженными наганами, да еще и к каждому по пачке патронов в запас. Осмотрели оружие, и даже укутав его в тряпье, чтобы не шуметь, стрельнули разок. Исправное оружие, нормальные патроны. Получается, незнакомец ни разу не соврал. А ведь подельники сомневались в здравомыслии Крапивы. Но зато теперь смотрят на него, с нескрываемой преданностью, что заметно, даже в ночи.

Оно ведь как. Выбраться за пределы каторги не составляет никакого труда. Забор тут больше для порядка. Когда уходишь в бега, выйти за территорию это самое простое. Ты поди выберись потом из этих мест. В прошлый раз Крапива со Студнем добирались до столицы больше полугода. А тут, обещаются за неделю. И после наганов в схроне в это верилось легко. Чудные времена настали. Вот ей-Богу.

Незнакомец оказался именно там, где и обещался. Ровно в версте от придорожного камня. Было их трое. И у каждого в руках какое-то странное оружие, которое они держали очень уж умело. Если бы Крапива получше разобрался в оружии и был бы в курсе новинок и моды, то без труда узнал бы в этом оружии пистолеты-пулеметы Томпсона.

Признаться, на данный момент томпсон был единственным образцом подобного оружия, массово выпускающимся для армии. Остальные страны также старались не отставать от американцев, но у них с разработкой собственных пистолетов-пулеметов пока не ладилось. Нет, недостатка в конструкторах с самыми разнообразными предложениями хватало. Просто военные вели самый тщательный отбор. Потому томпсон сейчас и является бесспорным лидером. Хм. Вообще-то у него и конкурентов-то нет. Разве только опытные образцы. Но назвать их конкурентами, язык не поворачивается.

Беглецов встретили молча. Прежний незнакомец указал на кузов с откинутым задним бортом, приглашая их занимать места. Последними влезли двое сопровождавших незнакомца. Они скромненько пристроились у заднего борта, пристроив на коленях свое странное оружие, будто невзначай направленное в сторону пассажиров, устроившихся у переднего борта.

Сам незнакомец уселся в кабину. Практически сразу грузовик тронулся с места, и громыхая подвеской и кузовом, устремился по ночной дороге, вздымая за собой клубы пыли. Н-да. То еще удовольствие. Нет, понятно, что эдак они добегут до Иркутска часа за четыре. Тогда как пешком, даже по дороге, им пришлось бы идти пять или шесть суток.

Но вот дышать пылью... Посмотрел на незнакомцев, и только теперь сообразил, для чего те скрывали свои лица платками. А они и не скрывали вовсе. Просто знали, что им предстоит, вот и прикрылись от пыли. Урки переглянулись между собой, и начали заматываться в тряпье. А что прикажете делать? Эдак ведь и задохнуться можно.

На рассвете остановились, чтобы обслужить машину. Нужно было долить в бак воды, почистить топку. Потом вновь развести пары. Словом, возни хватало. Ну а пока суд да дело, беглецам предложили переодеться, и поесть. А что? Совсем не лишнее после каторжных харчей. Опять же, ночка выдалась нервная. А это прямой путь к хорошему аппетиту.

— Тебя часом не Иваном кличут, — окликнул Гордея давешний незнакомец.

— Слышь, за базаром следи. Здесь только один иван, — тут же вздыбился Студень.

— Не закипай, дружище. Я к вашим деловым понятиям касательства не имею, и если говорю Иван, то подразумеваю просто имя, — улыбнувшись, примирительным тоном произнес мужчина.

— Остынь, Студень, — тут же велел Крапива, с любопытством поглядывая на новичка в своей кодле. — Ну, ответь ему, Гордей.

— А он уж слышал, как меня зовут, — пожав плечами, произнес Гордей.

— Зря ты так, Ваня, — покачал головой незнакомец, и тут же ударила короткая очередь, взбившая рубаху на груди Гордея.

Хм. Или все же Ивана. Тот как-то сразу сдулся, и сложился, как куча тряпья. Вот мгновение назад стоял сильный и уверенный в себе мужчина, и вдруг его не стало. Зато протарахтевшее оружие, способное выпускать чертову уйму пуль, за короткое время, произвело должное впечатление на остальных беглецов.

Студень попытался было дернуться, но один из помощников просто повел стволом, и медленно покачал головой. Мол, не дури, оно того не стоит. И впрямь не стоит. Крапива положил руку на плечо своему давнему подельнику, призывая его к благоразумию. Эдак дернешься ни к месту, и тебя сразу же от души нашпигуют свинцом.

— Спокойно. Это старые разборки. Он нам малость задолжал. А долги как известно нужно возвращать, — примирительным тоном, произнес незнакомец.

— Так может у тебя еще к кому есть претензии? — сжимая в кармане рукоять револьвера, процедил сквозь зубы Крапива.

— Ну к чему обострять, Крапива. Он же к вам недавно прибил, и чем дышал до этого, вы толком не знаете. А свои долги нужно возвращать. Лучше сбросьте его в яр. Да заканчивайте. Ехать надо. Нас уже давно ждут.

Как и ожидалось, никто в бутылку не полез. Тело Ивана сбросили под откос. Наскоро затерли пылью кровавую лужу, и вскоре грузовик вновь загрохотал по грейдеру.

Вообще-то, убивать Ивана никто не приказывал. Ну сидел он себе в Сибири и сидел. Ни единым словом или намеком не обмолвился о существовании такого тайного клуба. Вот так отсидел бы оставшиеся пять лет, да и вышел бы с чистой совестью на свободу.

Он сам себе подписал смертный приговор, когда подался в бега вместе со всеми. И опять, побежал бы он сам по себе, его дело. Но он оказался в кодле Крапивы, а того планировали натравить на Пастухова. Словом, там должна была быть чистая уголовная

публика. А Иван был с душком. Ниточкой, ведущей к клубу. Весьма сомнительной ниточкой, не без того. Но к чему плодить сущности, если можно обойтись без них.

Грузовик продолжал пылить по дороге на Иркутск. Через каких-то полчаса они будут уже на аэродроме, где их должен ждать под парами нанятый самолет. Один длительный перелет, и они окажутся в Екатеринбурге. При отсутствии лишнего багажа, меньшем количестве пассажиров, и дополнительном запасе топлива, это вполне возможно.

Дальше, с новыми документами, и приведя себя в порядок, совершенно открыто на поезде до самой столицы. Никто не ожидает от беглецов подобной прыти. Да и не по плечу это им. Если только, кто-то извне не озаботится. Пилоты же будут молчать. Вернее, они поведают о том, что их нанимали какие-то странные охотники. Ну да этим никого не удивишь. Каких только любителей острых ощущений не породил мировой прогресс.

Несмотря на начало сентября, день выдался теплым, но не жарким. Первая половина осени вообще замечательная пора. Солнце уже не жаркое, а теплое. Земля прогретая, а потому в даже если и жарко на солнышке, в тени обязательно найдешь прохладу. Чего практически не бывает в жаркое лето. Весной же, стоит укрыться в тени, как сразу же тянет стылостью, потому как ни земля, ни дома после зимы еще не прогрелись.

Глафира бодро шла по улице, метя подолом длинного платья дорожную пыль. Колпино хоть и имеет статус города, но с тротуарами тут просто беда. В центре еще есть, но ближе к окраине не сыскать. А ей нужно было именно сюда. В одну неприметную усадьбу. Ждут ее там. По делу.

Вообще-то она уж отвыкла от подобной грязищи. Эдак пройдешься, а потом хоть в баню иди. Ну да ничего. Баня там, не баня, а самая настоящая ванная в флигельке для прислуги, есть. Причем с душем, из которого льется самая настоящая горячая вода. Подбирай температуру, какая тебе нравится, и мойся на здоровье. Хозяева вообще ратуют за чистоту. Да и прислуга, не сказать, что из поросят. Оценили заботу хозяйскую.

Дойдя до середины улицы, она быстро стрельнула взглядом окрест, открыла калитку в глухом заборе и шагнула под сень липы, раскинувшей свою крону над всем просторным двором. Проща по сколоченной из досок дорожке и поднялась на высокое крыльцо, большого дома.

— О, Глашенька пришла. Проходи, как раз самовар поспел, — встретил ее с радостной улыбкой хозяин дома.

Мужчине было лет тридцать. Но, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, он уже успел овдоветь. Причем схоронил не только жену, но и детей. Горе у человека, вот и не вынесла душа, решил сменить место жительства. Перебрался в Колпино, где прикупил эту усадьбу, на окраине города.

Человек мастеровой. Руки золотые. По дереву резал так, что залюбуешься. Вон по всему дому его работа стоит. Резал он и деревянные статуэтки, и шахматы резные. В основном работал под заказ. Раз в неделю катается в Петербург, где сдает свою работу одному лавочнику. Зарабатывает хорошо. Опять же, хозяйственный. Любая баба с радостью пойдет за такого.

Вот и Глашенька соблазнилась завидным женихом. Нет. Поначалу-то, он ей не глянулся. Подумаешь, стоит мужик и торгует с лотка деревянными поделками. Да еще и отдает за бесценок. А он ее заприметил, и как ни увидит, всякий раз пытался обратить на себя внимание. Ей частенько приходилось бывать на городском базаре, вот и виделись.

А однажды она встретила его на базаре уже без лотка. И внешне он преобразился. Причем серьезно так. Не господское одеяние. Но зато все новое, и качества хорошего. Дорогая ткань, и по всему видать, не простая портниха шила, а знающая. И сапоги, не казенные и не от криворукого сапожника. Тут и кожа и строчка. Дорогой прикид на мужике, нечего сказать. И она на него посмотрела по-другому.

Как оказалось, повстречался Архипу на рынке один лавочник, и как увидел его поделки, так в него и вцепился. Начал вызнавать с каким деревом работает. Да может ли по картинкам вырезать. И заказ первый сделал. А потом пошло-поехало. Теперь Архип своими поделками не торгует. Только режет на дому, да возит в столицу. Ну а результат...

Усадьбу выгородил высоким забором, дом привел в порядок. И все-то у него теперь ладно. Разве только подруги сердечной все еще нет. Ну да, это дело наживное. И Глафира упускать свой шанс не собиралась. Тем более, что кроме дел сердечных, появились у них и иные. И все идет к тому, что очень скоро они смогут заработать столько...

— Только чаю и предложишь? — игриво стрельнув в мужчину глазками, поинтересовалась она.

— Ну так... Ты же говорила, что сегодня до вечера отпросишься, — безнадежно вздохнув, опустил мужчина на стул, тут же оставив самовар в покое.

Видно, что поспешность зазнобы его расстроила. И этот несчастный вид, пролился бальзамом на девичье сердце. Ну, с девичеством у нее уже были некоторые сложности. Но с другой стороны, едва минуло двадцать два. И пусть от невинности не осталось и следа, зато появился жизненный опыт, каковой имеется далеко не у всех женщин куда как старшего возраста.

— Ты чего, Архипушка? Никак расстроился? — присев перед ним, и беря его руки в свои, ласково произнесла она.

— А то нет. Живем, как... Видимся урывками, и когда господа позволяют. Вот и теперь. Я думал... А они, вишь, все по-своему повернули, — в сердцах выпалил мужчина, разве только по столу кулаком не стукнул.

А и стукнул бы. Да Глаша перехватила крепкий мужской кулак, и потянув к себе, поцеловала побелевшие костяшки. От прикосновения мягких губ, рука вздрогнула, а взгляд обращенный на девушку потеплел.

— Глупый мой. Горячая головушка. До утра меня отпустили. До самого что ни на есть утра. Завтра Анна Ильинична подберет меня на базаре, когда за покупками приедет.

— Правда, — не веря в свое счастье, выдохнул Архип.

— Ага, — радостно кивнув, ответила девушка.

— Так, а чего же тога?

— А ты не хочешь, — с показным недовольством, отстранилась от него девушка.

— Хочу, — поспешно выпалил мужчина.

— Вот и ладно, — потянув его за руку в сторону спальни, задорно выпалила Глаша...

Н-да. Хорошо-то, хорошо, но не мешало бы все же озаботиться удобствами. Привыкла она уж к ванной в доме, и к тому, что мыться можно не раз в неделю в бане, а каждый день. А при надобности, так и в любое время. Ну, разве только нужно протопить водогрейную колонку. Но дело это недолгое. А тут, кувшин, да таз. Сплошные неудобства.

— Архип, а давай в новом доме сделаем водопровод, поставим водогрейную колонку и ванную. Как в господском доме. Я узнавала, стоит это не так дорого. Ну, по тем деньгам, что нам заплатят, — выходя в гостиную, где на столе исходил паром самовар, произнесла девушка.

— Уверена, что недорого? Нам, ить еще и дом покупать. Здесь оставаться опасно. Про Пастухова твоего такие страсти рассказывают. А ну как извернется, аспид. Да и тесть его, Игнатьев этот, тоже вроде как не подарок.

— Да нам уже дали пятьсот рублей, и еще заплатят целую тыщу. Это же страсть какие деньги получают. Хватит и на дом, и на обустройство. Говорю же, я все узнала. Ну пожалуйста, — начала канючить девушка.

— Хм. Нет, если оно все так удобно как ты говоришь... Опять же, детки пойдут, купать их где-то надо, стирка, то да се. Ну и мне стодится, если какая грязная работенка по

хозяйству. А без нее в своем доме никак. А обмыться, так только под колодезной водой.

— Удобно, Архипушка. Ты даже не представляешь, как удобно. И все-то ты верно говоришь.

— Э-эх, один раз живем, — махнул рукой Архип. — Будет как ты желаешь. Да только...

— Что? — всполошилась девушка.

— Так ведь, делим шкуру не убитого медведя.

— Ерунду говоришь, Ванечка. Да я ради нашего счастья в лепешку расшибусь, а все что надо визнаю.

— Ну, если так, то считай домик с ванной считай уже у нас в кармане.

— И с туалетом теплым, — припечатала Глафира.

— Чего-о? — удивился Архип.

— Та там мелочи. Уж в сравнении с ванной-то. Тьфу и растереть. Тем более, что водопровод уже будет. Зато, зимой не нужно будет зад морозить.

— Это вонь в доме разводить?

— Ничегошеньки ты не понимаешь. Ну да, я тебе потом все покажу и обскажу. Никакой вони не будет. Все устроится чинно и пригоже. Господа, чай толк в этом деле знают. А когда к Викентию Семеновичу собираешься?

— Так утренним поездом и поеду. Заодно и работу лавочнику сдам.

— Значит утром.

— Утром, утром. Ладно, обедать пора, а мы чаем кишки полощем.

— Успеется, — накрывая его крупную кисть, своей ладошкой, томным тоном произнесла Глаша.

— Побойся Бога, Глашенька, — нервно сглотнув, произнес Архип.

— А чего мне бояться? Нешто не женишься на мне?

— Женюсь, как не жениться. Что за глупости городишь.

— А тогда и греха в том нет.

— Да я не о том.

— А я о том. Страсть как по тебе за эту неделю соскучилась.

Ну а что ему оставалось делать? Похоже, невеста вырвавшаяся из господской усадьбы на побывку, собиралась взять свое. И побольше. Побольше. Конечно в этом ничего плохого нет. И она очень даже ладная, с огоньком. А он все еще в силах. Но до вечера еще очень долго. До утра, так и куда дольше.

— Так чего интересного для Викентия Семеновича есть? — когда они наконец сели обедать, поинтересовался Архип.

— Да так. Ничего особенного. Хозяйка все вокруг дочки скачет, словно наседка. Бегала со своими железками бегала, милее этих самых машин для нее ничего не было. А как дитя родила, так в ней сразу баба проснулась. Да так, что о железках и думать забыла.

— Ну так натуру не обманешь. Если Господь назначил бабе рожать и растить детей, так никуда от этого и не денешься. Сколь ни бегай, а нутро наружу все одно вырвется.

— Вот, верно ты говоришь, Архипушка.

— А еще что?

— Ну, я так поняла, что на заводе у хозяина уж все готово, и они вроде как скоро собираются его запускать. Но о делах они при прислуге не особо говорят. Все больше в кабинете. А туда прислуга ходит только когда сам хозяин велит прибраться. А как войдешь, ни одной бумажки на столе нет. Все в сейф прячет.

— Ну, то понятно. А название сейфа, как я просил, ты записала?

— Скорее уж перерисовала как увидела. Не по-нашему писано-то.

— А с тем, пускай Викентий Семенович разбирается, — отмахнулся Архип принимая из рук невесты бумажку с чудными каракулями. — Ну, а вообще, что-нибудь еще есть? Может про соседа его, Кессениха этого, что вызнала.

— Вызнала. Как не вызвать. Он-таки решил вызвать сюда свою семью. Устал в разлуке-то жить. Вот и зовет их в Россию. А и то, эвон какую усадьбу поставил. В Германии небось такого нет.

— Ясно. А схему усадьбы, нарисовала?

— Ну да. Все как ты и просил. Вот, — выкладывая перед ним сложенный в несколько раз листок бумаги, гордо заявила она.

— Ну и чего молчишь? Клещами все из тебя тянуть? — недовольно заметил Архип, разворачивая бумагу.

— Чего ты так-то, Архипушка. Я же... А ты... — обиженно надулась девушка.

— Господи, Глашенька, ну прости ты меня дурака несусветного, — тут же опустившись перед ней на колени, с искренним раскаянием произнес он.

А дабы придать своим словам весомости, еще и обнял ее, крепко прижимая к себе. Чтобы ни капли сомнений, насколько крепко он ее любит. На что способна обиженная женщина и вообразить себе трудно. Но уж если решит посчитаться, то мало не покажется. А главное, предугадать как и куда именно она ударит, невозможно.

— Я же только ради нас стараюсь. Чем больше и лучше выведаем о твоих господах, тем скорее получим свое и заживем, на зависть всем. У меня и без того заработок хороший, а тут еще и деньга большая. Переедем в другой городок, та хоть в Гатчину. Поставим домик, и я так же буду ездить в Питер, поделки свои сдавать.

— В Гатчине абы какой домик не поставить, — успокаиваясь, деловито заметила Глаша.

— А на что нам деньги? Не молиться же на них.

— И правда, — озаряясь счастливой улыбкой, согласилась девушка. А потом, сразу же стала деловой и ткнула пальчиком в бумагу. — Я там указала где какие посты. И куда кто глядит. И когда их меняют, тоже написала. Все, как ты говорил.

— Не я. Викентий Семенович, — все же заглянув в бумагу, задумчиво возразил Архип.

— Ну так я же его не видела. Только с тобой и разговаривала.

— А, ну да. И то верно. Еще что есть?

— Та нет. Разве только завтра поутру господа собрались в гости к Игнатьеву. Тесть хозяина непременно хочет, чтобы внучка в его доме побыла. Ну и прием устраивает, что-то вроде смотрин внучки. Мол, в дому зятя то само собой, а в его дому, уж совсем иное.

— И когда выезжают?

— Так часов в девять и выедут, — пожав плечами охотно ответила девушка.

— А кто именно поедет.

— Так, хозяин с хозяйкой, да Кессених этот.

— Сколько машин?

— Одна. Охрану с собой брать не будут. Не любит этого хозяин. Хотя остальным без охранников шагу ступить не дает. Говорит, что он сам как пес цепной, кого хошь порвет.

— Та-ак. Ну и чего ты молчишь. Чего тянула. Сразу об этом говорить надо было.

— Так, а что такого-то? Великое дело. Собрались в гости поехать.

— Так. Ты вот что, Глашенька. Ты тут похозяйничай сама. А мне надо... Нет. На этот я

уже опоздал, — глядя на карманные часы, деловито заметил мужчина. — Значит на вечернем.

— Это куда это? — Всполошилась девушка.

— В Питер, куда же еще-то, — пожал плечами он.

— Так, если ты вечерним, то... А обратно-то как?

— Ну... Придется переночевать в ночлежке. Зато может так статься, что уже завтра мы получим наши деньги, и уедем отсюда.

— Правда? — в глазах девушки плеснула неподдельная радость.

— Истинно тебе говорю.

— Погоди. А как же этот дом? — тут же став деловой, уточнила она.

— А чего с ним не так-то? Выставим на продажу. Попрошу соседа, он все обставит лучшим образом. Ну заработает и сам малость, не без того. Но нам тут уж лучше будет не задерживаться.

— Ага. Ну да. Так оно и впрямь лучше.

Через два часа, после очередной прогулки в спальню, Архип при полном параде, вышел на крыльцо дома. Нужно было поторапливаться. Не то эдак он и на вечерний поезд опоздает. А вот это никак нельзя. Когда еще подвернется такая удача, чтобы все трое оказались в одной машине, да еще и без охраны. Пастухов слишком уж самоуверен, этого у него не отнять. Пусть в бронированном авто, и вооруженный до зубов, но телохранителей рядом с собой не терпит. А это неправильно. Хм. Для него неправильно.

Мелькнула было мысль, избавиться от девушки. Но он тут же отбросил ее как несостоятельную. Во-первых, она утром должна будет встретиться с домоправительницей, и вернуться в усадьбу еще до отъезда хозяев. Пастухов может и самоуверенный, но воробей стреляный, может всполошиться. Во-вторых, уж сколько раз он ходил по краю, да только ни разу так под кручу и не сорвался. А тогда, в Глаше потребность даже увеличится.

И потом. Девка жадная до денег. Вроде и любит Архипа и млеет рядом с ним. Но задаток, пятьсот рублей, прибрала в свои ручонки. Опять же, не хочет просто так бросать вот этот дом Архипа. А он не сказать чтобы и дорого стоит. Уж на фоне полутора тысяч рублей, точно. Не совершит ли она какую глупость? Нет. Такая свой шанс не упустит. Тут ведь и жадность, и любовь. Уж Архип-то точно знает, что втрескалась она в него по самое не могу. А это гремячая смесь. Так что, пусть живет. Вреда не будет.

Утро выдалось просто замечательным. Середина сентября, а уже неделю стоит солнечная погода. Огорчает только одно. В такую сушь, даже при медленной езде по дорогам лишенным асфальтового покрытия, автомобиль поднимает целый столб пыли. Впрочем, особых проблем это не составляло. Резиновые уплотнители и пыльники сделали кабину достаточно герметичной, чтобы противостоять пыли.

Единственное слабое место, воздухозаборник. Но и там был установлен фильтр. Конечно поток воздуха от этого резко понизился. Но это не беда. Для вентиляции салона, его вполне достаточно. А что до прохлады в жаркий день. Так с этим вполне управится и вентилятор. Они теперь входят в комплектацию всех автомобилей представительского класса.

Пастухову и Кессениху это только на руку. Их ведь изобретение. Так что, с каждого установленного девайса, им капает копейка. Немного. Но там капля, тут капля. И получается ручеек. Причем, с учетом других лицензий, весьма полноводный. К примеру, еще два года

назад Кессениху такие доходы и не снились. А теперь, сумма как бы и не кажется такой уж большой. Ну, в свете-то маячащих на горизонте перспектив.

— Глаша, саквояж с детскими вещами положи в багажник, — спускаясь со ступеней большого крыльца, и прижимая к себе запеленатого младенца, распорядилась Александра.

Несмотря на предложение Петра нанять нянечку, Александра отказалась от такой блажи. Нет, до рождения ребенка она взирала на этот вопрос вполне благосклонно. Но как только Ирина появилась на свет, так и думать об этом не желала. Да, трудно, да, частенько не высыпалась. Но тем не менее, в этом было свое очарование, и притягательность. А еще. Скорее всего сказалось то, что сама она росла без матери, пусть и окруженная любовью.

— Уже несу, Александра Витальевна, — тут же отозвалась служанка, обряженная в темно-коричневое платье, с белоснежным накрахмаленным фартучком.

В руках она несла объемный саквояж, по вместимости с легкостью соперничающий с чемоданом. Ничего не поделаешь. Младенец он и есть младенец. Вроде и одна только малютка, а на заднем дворе постоянно полощутся на ветру марлечки, пеленки, распашонки и чепчики. Да у прислуги вечно целая гора глажки. Просто удивительно, как удается эдакой малютке, озадачивать заботами всех домочадцев.

Поэтому при виде большого саквояжа Петр только покачал головой, и ничего не сказал. А чего говорить? Матери виднее, что и как сделать. Опять же, пусть и сирота, рядом есть многоопытная и заботливая Анна Ильинична, их домоправительница, которая души не чаяла в Александре. Шутка сказать, сызмальства растила сиротку. Игнатьев даже немного обиделся, когда она после стольких лет службы вдруг подалась в другой дом. Пусть и к его же дочке.

Но с другой стороны... А куда Анне Ильиничне еще-то податься. Если она эту егозу за дочь родную почитала, а своей семьей так и не обзавелась. Ну и какая мать бросит свое дитя? То-то и оно.

— Анна Ильинична, может с нами? Папа обрадуется, — предложила Александра.

— Нет уж. Благодарствуйте. Вон на мне какая усадьба. Поди за всем уследи. Так что, некогда мне по гостям разъезжать. А с батюшкой вашим мы и без того виделись, два дня тому. Езжайте уж с Богом.

Хоть и недалний путь предстоял, а женщина все же тайком перекрестила отъезжающую машину. При этом Глаша как-то зябко повела плечами, и глубоко вздохнула. Уж она-то знала, насколько это не рядовой выезд семейства Пастуховых, и как им понадобится даже такое благословение.

Архип продолжал следить за автомобилем, пока тот не покинул усадьбу. И только убедившись, что все птички находятся в клетке, спустился с дерева. Все идет так, как и планировалось. Если бы что-то пошло не так, то он ничего не предпринимал бы. А так, сейчас запалит чадящий костер. А что такого? Подумаешь детвора обнаружила рваную автомобильную крышку и подпалила ее. Экая невидаль.

Ну, может наблюдатель на пожарной калане малость напряжется. Но недолго. Даже тревогу поднимать не станет. Они там опытные, потому дым чадящего костра никогда не спугают с пожаром. На пожаре дым не черный, как от сгоревшей резины, а грязно-бурый, и жирный. Трудно найти более точное определение. Словом отличается он, чего уж там.

Зато для готовящих нападение Крапивы с подельниками, это будет сигналом ожидать гостей. Они тут неподалеку, всего-то в версте с небольшим. Так что дым увидят однозначно.

А вот если сигнала не будет до десяти часов, то ничего не предпринимать, и уходить. Потому как если с этим Пастуховым, хоть малость не так, то лучше перестраховаться. Уж больно ушлый, сволочь.

Архип подошел к сложенным друг на друга трем автомобильным покрышкам, и облив из бутылки смесью бензина, керосина и гудрона, поджег. Загорелось сразу, и быстро прогореть не должно. Времени вполне достанет, чтобы покрышки полностью разгорелись. От усадьбы Пастуховых до моста через Ижору верст пять, так что времени вполне хватит.

Ну что же, дело сделал. Пора и честь знать. Признаться, устал уже сидеть в этом Колпино и изображать из себя отчаянно влюбленного. Нет, Глашенька прелестница что надо. Огонь девка! Главное, чтобы здоровья хватило. Только вот она все время в усадьбе. Ему же нужно изображать из себя добропорядочного жителя, небольшого промышленного городка близ столицы. Скукотища.

А так. Считай дело он свое сделал, и теперь можно напрямик на станцию. Через час с небольшим поезд на Питер. Чем бы тут ни закончилось, убираться ему нужно в любом случае. С Глафирой это оговорено заранее. После несчастья, она должна будет выждать какое-то время, а потом отправляться по одному адресочку. Липовому. Но ей это знать не обязательно. Потому что до него она все одно не доберется, и в скором времени отправится на небеса. А там уж пусть ее определяют в рай или ад.

Архип бросил последний взгляд на уже пышущее жаром пламя, и пошел прочь. Все. Нечего ему тут делать. Он свою задачу выполнил.

— Крапива, есть сигнал! — вскочив на ноги, с радостным возбуждением едва не прокричал Студень.

При этом он указывал рукой в сторону поднимающегося примерно в версте столба черного дыма. А дым в той стороне означал, что до долгожданной встречи осталось не так чтобы и много. Крапива перевел взгляд в сторону наблюдателя, расположившегося на дереве. Оттуда видна центральная улица Колпино, раскинувшаяся по обе стороны от Московского тракта, протянувшегося параллельно железнодорожному полотну.

— Ну чего там, Варнак?

— Тихо пока, — послышался ответ мужчины среднего сложения, с черной копной волос.

Он хотя и не отличался худосочностью, тем не менее в коdle был самых скромных статей. Потому и на дерево лезть именно ему. Конечно при желании Крапива мог набрать хоть целую толпу. Но тут такое дело. Вот так просто подписать народ только ради того, чтобы кого-то грохнуть не получится. Если кто из деловых и пойдет на такое дело, то только за серьезный фарт. А какой тут фарт? Только свинец и можно получить. За Купцом не заржавеет. А на кармане у него хабар если и будет, то только слезы одни.

Студень предложил было захватить его бабу, да порастрасти мошну Купца. А что. За нее, да за дите он ничего не пожалеет. А мужик он богатый. И не сказать, что идея столь уж плоха. Наоборот, вполне даже подходящая. Но Крапива отмахнулся от нее, без раздумий. Заявил, что Купец с бабой задолжали ему по другой части, и за то должны уплатить кровью. А всяк иной расклад Крапиве неместен.

Вообще-то он даже себе с трудом был готов признаться в том, что попросту боялся этого парня. Дурная у него привычка, сметать возникающие на его пути преграды. Тогда в тайге, ведь Крапива не промазал. И даже если не убил, попал-то хорошо. Любой бы другой на

месте Купца... А этот поднялся, да еще и Рябого с Рохлей завалил.

Не-эт. Ну его к ляду. Этого только кончать. Сразу и наглухо. Начни с ним игры играть, и неизвестно чем все кончится. Тем более он себе охрану завел. Как пояснил тот самый неизвестный, вытащивший их с каторги, все с боевым опытом или из числа бывших полицейских. Причем, не из тех, что по рынкам да рюмочным поборами занимаются. А из настоящих легавых и волкодавов.

— Крапива, едут, — прерывая его размышления раздался сверху голос наблюдателя.

— Точно он?

Сегодня воскресенье, а потому движение на тракте не такое уж и оживленное. К примеру за последние полчаса в обоих направлениях проехало едва ли с десяток автомобилей, и полудюжины подвод. Вот в будние дни, совсем другое дело. Не сказать конечно, что поток сплошной, но все же куда как веселее.

— Точно они, Крапива. Гадом буду.

— Давай вниз.

Впрочем, команда излишняя, Варнак и без того уже торопливо перебирает конечностями по ветвям, спускаясь на землю. Итак, если наблюдатель ничего не сказал о других машинах, получается со стороны Колпино никого, кто бы им помешал, нет. Дорога в сторону Питера просматривается чуть не на версту. И там никого. Просто идеально.

— Давай, выезжайте!

Напрягая голос, прокричал Крапива, подавая сигнал подельникам. Через реку Ижору есть только два моста. Один железнодорожный. И второй, вот этот, обычный каменный. В моду уже входит название автомобильный. Ну нужно же как-то их отличать. Так вот, этого моста направляющимся в столицу никак не миновать. Нет других переправ для автомобилей. Ну разве только еще дамба, выше по течению. Но это делать изрядный крюк, да проезжать по территории завода. А иначе никак. Дамба-то старая, заводская. По тракту оно куда проще.

Получив команду с противоположного берега двинулась подвода. С этой стороны грузовик. Посредине моста они встали имитируя столкновение. Возница тут же скинул с повозки пару мешков набитых сеном. Да так, чтобы их без труда можно было видеть из подъезжающей машины. Сам он и шофер, встали друг напротив друга, и начали ругаться, азартно жестикулируя руками. Вот молодцы. Артисты.

Студень занял позицию на противоположной стороне от дороги. Крапива и Варнак с этой. Расчет прост. Купец наверняка выйдет из авто, чтобы узнать, что тут случилось. Ну и разобраться с препятствием. Не станет же он кричать из своей бронированной консервной банки. Эдак его и не услышит никто. А как только он выйдет из машины, тут уж и они за дело возьмутся.

Крапива присел за деревом, в пяти саженях от края дороги, и перехватил поудобнее маузер. Забрасывал он удочку по поводу той самой тарыхтелки, что под стать пулемету, только плюется пистолетными пулями. Но неизвестный только посмеялся, заявив, что губа у ивана не дура.

Так что, томпсоны им не обломились. Зато для каждого нашлось по маузеру. Все использованные, с частично стертым воронением и царапинами на кобурах. Но в остальном оружие в отличном состоянии. Они с них уж успели пострелять по банкам. А то как же. Идти на дело с непроверенным стволом, последнее дело. К тому же, как оказалось, маузер куда более точен, чем пистолет-пулемет. Но вот скорострельность...

Крапива задался целью раздобыть себе такое оружие. Уж больно картина расстрела

Гордея запала ему в душу. Опять же, от людей с фронтовым опытом слышал, на что способен пулемет. А чем еще является томпсон? Пулемет и есть.

Наконец из-за поворота появился автомобиль, взметающий за собой клубы пыли. Он и есть. Руссо-Балт. И номер тот самый. Крапива злорадно улыбнулся, вжал кобуру-приклад в плечо, и взвел курок. Ну, давай, милай. Иди к папочке. Уж на этот-то раз он тебя приголубит. С гарантией. Лично мозги вышибет. Вот этой самой рукой.

Руссо-Балт приблизился к мосту, и как ожидалось остановился, тут же окутавшись клубами пыли. В результате этого автомобиль практически полностью пропал из виду. Так. Через плотную завесу проглядывали только неясные очертания черного лимузина. Н-да. Черный цвет он того... Маркий, просто жуть. Бог весть отчего подумалось Крапиве, наблюдающим за этой картиной сквозь прицел пистолета.

Но в следующее мгновение ему уже было не до этих размышлений. Потому что округа огласилась серией столь мощных взрывов, что от неожиданности, да и испуга, чего уж там, Крапива едва не выронил оружие. Находившийся рядом Варнак и вовсе распластался в траве.

Лошадь в повозке вздыбилась и с диким ржанием попыталась бежать. Но добилась только того, что повозка и грузовик на этот раз и впрямь сцепились намертво. Бедное животное объятое настоящим ужасом начало биться в ловушке, которую сейчас собой представляли оглобли. Правое копыто обезумевшей лошади врезалось в бедро шофера, который с криком полным отчаяния и боли повалился на мост.

Возчик, выхватил пистолет и помчался к противоположному берегу, вывернув руку и пустив три пули в Руссо-Балт. Ну или как ему казалось, в его сторону. Он уже был на противоположной стороне, когда его выгнуло дугой от кем-то метко пущенной автоматной очереди.

Ничего этого Крапива не видел. Потому что попросту впал в оцепенение. Не было ни султанов земли, не свистели осколки. Но от этого было не менее страшно. Да и откуда ему знать, каково это, оказаться под артобстрелом, или когда позиции забрасывают гранатами. Его вогнало в ступор от непрерывной канонады и поделаться с этим он ничего не мог.

Он видел, как из открытых дверей автомобиля, по обоим сторонам выскочили вооруженные люди. Видел, как откинулся капот багажника и оттуда также выскочили двое, с оружием наперевес. Видел как Купец пустил короткую очередь куда-то в сторону моста. Как потом, развернулся опускаясь на колени, и поводя стволом по кустарнику рядом с дорогой. Все это он видел. Вот только предпринять ничего не мог.

К тому моменту когда он наконец с собой совладал, ствол автомата уже смотрел ему в лицо. Расстояние так себе, плевое, поэтому он отчетливо рассмотрел черный провал дульного среза. А в следующее мгновение тот полыхнул резкой искрой, и это последнее, что видел в своей жизни Крапива...

Петр подскочил, и подбежал к дереву. Деловые уже лежали бездыханными телами. Одного из них приголубил он. Второго охранник. Хм. Надо же. Крапива. Значит, все же посчитались. Вот и ладно. Было бы обидно, столько намудрить, а на выходе получить одну только головную боль. Или вообще, пшик. Впрочем, головная боль будет. Как и самое что ни на есть детальное разбирательство. А то как же. Устроили целое побоище, и считай в черте города.

Но пока.

— Здесь двое! Оба готовы, — выкрикнул он.

— Один. Готов, — послышалось с противоположной стороны дороги.

— На мосту двое, — послышался запоздалый выстрел. — Оба готовы.

Вот и ладно, что готовы. Теперь осталось полиции представить все в надлежащем свете. Но трудностей наверняка не будет. Вон оно оружие в их руках. Налицо классическая засада. Вот только нужно внести пару штрихов. Петр подхватил руку мертвого Крапивы, с зажатым в ней маузером, прицелился и несколько раз выстрелил по автомобилю, оставляя отметины на кузове и стеклах.

Все было обговорено заранее. Поэтому с остальными поступили так же. Несколько выстрелов, с оружием в руках. Так чтобы и пороховая гарь осталась, и отпечатки пальцев были бы на месте. А то мало ли, как далеко тут шагнула криминалистика. Должно пройти. Опять же все пятеро беглые каторжники. Причем двое из них полтора года назад уже покушались на жизнь Пастухова, за что и схлопотали очередной срок.

Тут еще и шумиху можно будет поднять. И опять приплести темные силы тайного клуба. Не от своего имени конечно же. От себя только некие туманные намеки, и не более. Ну к примеру, как могли беглые каторжники так быстро добраться до столицы. Ведь еще пару недель назад всю махали кайлом на строительстве Транссиба?

Вообще-то все должно было быть по-другому...

Петр вовсе не забывал о том, как боевики тайного клуба подобрались к семейству Игнатьева. Поэтому, чтобы не усложнять жизнь потенциальным врагам, он решил направить их действия в строго определенном русле. Для чего ему в доме понадобилась молодая служанка.

Таковую он нашел в приюте общества вспомоществования падшим женщинам. Не надо удивляться. Имеется Петербурге таковое. Причем оно не одно. Пастухову известно как минимум еще о двух таковых в Российской империи. В Москве и в Киеве. В этих приютах бывших проституток обучали какой-либо профессии. После чего заботились о предоставлении им рабочих мест. В основном из них готовили прислугу, портних, сестер милосердия для больниц и госпиталей, гувернанток, и тому подобное. Список был довольно обширен. И призирали^[3] за этими домами дамы из высшего света. Вот такие выверты.

Вот в таком приюте Петр и подобрал себе служанку по имени Глафира. Девушка оказалась хваткой и прирожденной актрисой. И ничуть не стусевалась, что ей возможно придется играть роль обманутой любовницы. К прежней жизни возвращаться она не желала. Но ведь тут совсем иное. Это нельзя ставить вровень с домами терпимости. Опять же, плата настолько высокая, что можно будет озаботиться собственным делом.

Словом, о всех телодвижениях тайного клуба вокруг своей персоны, связанных с Глафирой Петр знал доподлинно. Мало того, готовился к ликвидации очередной группы. Вернее, фактической ликвидации в плане приносимой тайному клубу пользы. Этим он решил взять под контроль. Чтобы они дышали так, как скажет он.

Нет. В Петре вовсе не проснулся дар вербовщика или контрразведчика. Боже упаси. К чему лезть в дела, в которых ничего не смыслишь. Он только обозначала задачу и конечную цель. Остальное отдавал на откуп Акимову. Кстати, не всегда выходило так, как того желал Петр. Бывало и так, что его начальник службы безопасности все переиначивал. И Пастухову ничего не оставалось, кроме как принять его правоту.

Так вот. Пока они собирали необходимую информацию о группе, и выходили на всех ее членов, Петр вдруг получил неожиданную весточку из Красноярска. К нему домой ни с того ни с сего заявился его компаньон по золотым приискам, Завьялов Игнат Пантелеевич. Да не один а в компании с охотником, из села Моты, близ Слюдянки, где Петр отбывал ссылку.

Было дело не без участия Петра и Кессениха, Алешину Семену спасли жизнь, да жену вырвали из бандитских лап.

Так вот, Семен рассказал, что нашли они с товарищами в лесу близ тракта раненого. Тот только день и продержался. Но прежде чем отдать Богу душу, рассказал о том, что с каторги бежал Крапива, и что он собирается порешить Пастухова, которого за глаза звали Купцом. А еще сказал, что помогают беглым его бывшие хозяева.

Семен тут же всполошился, и поспешил к купцу, в Красноярск. Благо поезда ходят каждый день. Даже не подумал о том, что его там может и не оказаться. Все же на прииске самый сезон. Но тот как раз прибыл в город за товаром. Прииск прииском, но и свои торговые дела Завьялов не забрасывал. Копейка конечно совсем уж скромная, в сравнении с прииском-то. Но тут у главное не в приработке, а в том, что купца уважали, а потому и вокруг прииска тати особо не крутились. Потому как, что инородцы, что староверы за добро, платили добром.

С появлением на арене Крапивы с подельниками, все менялось. В принципе, Петр уже мог начать тихо крутить группу тайного клуба. Более того, даже вычислить Крапиву и накрыть его берлогу не составило бы труда. По заявлению Акимова, ему для этого достаточно было пары недель. И Петр ему охотно верил.

Но в его планы не входило опять отправлять Крапиву на каторгу. Ему бы не Крапивой прозываться, а Репейником. Уж больно приставучий. Поэтому Петр решил известить и ивана и его подручных. Просто и без затей. Чтобы решить этот вопрос раз и навсегда.

Поэтому была разработана операция чтобы спровоцировать Крапиву на нападение, где и положить всех разом. Все было разыграно на высшем уровне. И Архипа взяли, после того, как он подал сигнал. И автомобиль сменили. Петр пересел в него, всячески избегая взгляда жены. Теперь, кстати, с ней придется разбираться. Он ведь от гениального ума не поставил ее в известность относительно своих намерений.

Когда лимузин остановился у моста, Петр не сомневался в том, что это засада. Но открывать огонь они не спешили. Мало ли. Вдруг окажется, что и впрямь авария, а засада чуть дальше. Одно дело упустить урок. Не вышло убрать по-умному, всегда можно вернуться к варианту Акимова. А вот убивать невинных совсем не хотелось.

Поэтому под прикрытием пыли, они приоткрыли окна и начали разбрасывать вокруг взрывпакеты. Грохоту вышло изрядно. И у одного из бандитов на мосту, не выдержали нервы. А как только он начал стрелять, так и они начали работать уже на полном серьезе.

Вообще-то готовились к куда более серьезному выступлению. Даже озаботились бронежилетами. И что самое интересное, Петр не имел к их появлению никакого отношения. Подобными девайсами еще перед войной были оснащены полицейские обеих столиц. А сейчас постепенно снабжаются и остальные полицейские управления.

Им же достался образец превосходящий казенный, в том числе в весе, и более дорогой в выделке. Зато, он держал самый мощный маузеровский пистолетный патрон. Такие жилеты можно было купить в оружейных лавках. Товар надо сказать был особенно востребован в годы войны. Но вот после... Нет, в Америке, где всюду бушуют алкогольные войны, очень даже востребованная вещь. А вот в России... Но Петр приобрел целую партию даже не задумываясь.

Так что... Да, риск имелся. Не без того. Но он сделал все для того, чтобы максимально его минимизировать. Ну не с пулеметами же и винтовками на них должны были нападать бандиты. Разве только после того как все было кончено, поспешили избавиться от

бронежилетов. Петр даже решил сменить жилет от своего костюма, с вшитой под подкладку кольчугой от ножевого удара. Что ничего не указывало на то, что они были готовы к нападению...

Н-да. Воскресный день выдался на удивление суетным. Кроме колпинской полиции, подтянулись чины из столицы. Нет, личности подвергшиеся нападению тут ни при чем. Вот если бы сам Игнатьев... А так... Но вот то обстоятельство, что были применены сразу несколько автоматов, уже совсем другое дело. (В России, как-то не приживалось название пистолет-пулемет.)

Петр подозревал что теперь в Госдуму пойдет петиция с тем, чтобы запретить это оружие в гражданском обороте. Ведь по сути, Петр не нарушил существующие законы об обороте оружия. Ведь там четко прописан запрет на пулеметы. А томпсон таковым не являлся, хоть тресни. У него в оружейном мире уже есть классификация именно как у пистолета-пулемета. Разница однако.

Так что, несмотря на стечение большого количества полицейских чинов, по сути, разбирательство не заняло так уж много времени. Уже через несколько часов, Петр и его телохранители были отпущены. Их конечно предупредили, что еще потревожат. Но суть была ясна как день. Если и вызовут, то только ради какой-нибудь формальности.

Все стало куда интереснее, уже после того, как ими перестали интересоваться полицейские. Петр как раз устраивался за рулем, готовясь вернуться домой. Разбираться с агентами тайного клуба предстояло Акимову. Его учить, только портить. Так что, пора предстать перед разъяренной супругой. Как говорится, раньше сядешь, раньше выйдешь. Опять же, чем короче промежутки, тем меньшая буря разразится.

Но когда он уже хотел захлопнуть дверь, его окликнул очередной чин. На этот раз со знаками различия жандармского управления. И данное обстоятельство совсем ему не понравилось. Он появился самым последним. Как видно информация дошла слишком поздно. За все время ротмистр не задал ни одного вопроса. Только ходил как тень и внимательно слушал.

— Петр Викторович, ротмистр Потапенко Григорий Юрьевич. Позвольте отвлечь вас. Я недолго, — примирительно улыбнувшись, уточнил жандарм.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — пожал плечами Пастухов. — Говорить будем здесь?

— А есть варианты?

— У вас в управлении, — пожал плечами Пастухов.

— Отпадает, — тут же отверг ротмистр.

— У меня дома?

— Хотите спрятаться за мной, от разъяренной супруги, — покачав головой не согласился Потапенко.

— Ну, не знаю. У нас в городе есть ресторация. Она, кстати, уже работает. Нет? Тогда на заводе, в моей конторе.

— А может просто отъедем в сторонку, побеседуем, а потом каждый по своим делам?

— Так просто? — удивился Пастухов.

— А к чему городить сложности.

— Ладно.

Отъехали они совсем недалеко. Водитель ротмистра со своим авто, и телохранители Петра, остались у моста, откуда спешно разъезжался народ. Проезд освободился, движение

возобновилось, и одна из первых пробок этого мира пришла в движение. Петр же, просто отвернул в сторону, и встал посреди полянки. Видно их со всех сторон, но вот поди пойми о чем там идет беседа. В конце концов ротмистру именно это и было нужно.

— Петр Викторович, я попросил бы вас отдать распоряжение своим волкодавам передать ваших пленников жандармскому управлению, — сразу же, без обиняков заявил ротмистр, едва только авто остановилось.

— О чем это вы? — разыграл искреннее удивление Петр.

— Капитан Ключев предупреждал, что с вами может быть непросто.

— Ключев?

— Мы с ним вместе на германском фронте гонялись за шпионами, и ходили в рейды по тылам противника. После войны я вернулся в жандармское управление, а он продолжил службу в контрразведке. Это именно его стараниями мне стало известно о необычном побеге с каторги Крапивы и его поделщиков.

— А ему-то откуда знать, что побег необычный?

— Ну, один охотник обязан вам жизнью, другие предпочитают сотрудничать с Ключевым. Способов-то много. Не все же подобны вам, что могут только все испохабить.

— Я гляжу, вам многое известно.

— Уж поверьте. Итак, Ключев сложил два и два, а получив ответ, поспешил задействовать свои связи, потому как остальное было вне компетенции их ведомства. Но пока проводилось согласование, то да се, вы не дремали. Нам удалось кое-что установить, но вот предпринять мы уже ничего не успели. Все понеслось вскачь.

— Ближе к делу, господин ротмистр.

— Как скажете. Итак. С Крапивой вы разобрались. И сделали это красиво. Даже если его расковырять до доньшка, то вам по большому счету нечего предъявить кроме самообороны. Ну, может вы ее чуть превысили. Очередная ссылка, и это в худшем случае. Но что касается эмиссаров тайного клуба... Здесь ваша вендетта заканчивается, и начинается политика. Слишком уж влиятельные личности могут оказаться вовлеченными в это дело. Что может вызвать даже обострение во внешней политике. Вы ведь не остановитесь, не так ли?

— А у меня есть выбор?

Нет, а что такого? Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец. И потом тут до диктофонов пока еще не додумались. Вот записывающий фонограф есть. Но для его использования нужно либо соседнее помещение, либо большая коробка, а иначе никак.

— Вы напрасно считаете, что вас все время загоняют в угол. Выбор есть всегда. И в данном случае, в частности. Вы сделали все, что могли. Остальное оставьте нам. Императору не нравится, когда охотятся на его подданных, как на уток в осеннюю пору. Ему не по душе, что кто-то пытается ставить нам палки в колеса, коль скоро мы можем хоть в чем-то превзойти и поучить Европу. И вообще, какому хозяину понравится, когда чужие хозяйничают в его доме?

— То есть, вы гарантируете, что нас оставят в покое?

— Именно это я вам и говорю. К его величеству относятся по-разному. Многие считают его мягкотелым, даже не бледным подобием своего отца. Но когда он закусывает удила... Я же говорю, ему не понравилось, что кто-то решил хозяйничать в его доме.

— По-моему это происходит с завидным постоянством.

— Трудно вам возразить. Но только не в этот раз.

— И что от меня требуется?

— Просто передайте ваших пленников нам. Вот адрес, куда их нужно будет доставить, — ротмистр быстро сделал запись в блокноте, после чего вырвал листок и передал Петру.

Вообще-то у него шевельнулся червячок недоверия. Но он отмел эту мысль. Уж больно много разных мелочей. В этом случае и Клюев должен был оказаться агентом тайного клуба. И вообще, тайный клуб и ротмистр жандармского управления... Абсурд. Поэтому, он молча принял листок.

Потом они разъехались, и Петр направился домой. Перед тем как выйти из машины, он протянул листок старшему группы, и приказал передать Акимову, чтобы он переправил пленников по указанному адресу. Бодаться с жандармским управлением? Да Боже упаси. Он еще не сошел с ума. Вот если бы те оказались самозванцами... Нет. Об этом уже говорилось. Абсурд.

Александра встретила его в гостиной, едва только он вошел в дом. Причем вид у нее был столь многообещающий, что Петр невольно поежился.

— Ирина спит? — попытался он прибегнуть к последней надежде.

— Даже не надейтесь, Петр Викторович, — строго покачав головой, прошипела жена сквозь зубы.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Лебедев Сергей Васильевич – русский советский химик, впервые в мире получил синтетический каучук осенью 1925 года. В 1931 году в СССР был запущен первый в мире завод по производству синтетического каучука.

Гевея – каучуконосное дерево.

Призирать – устаревшее принять, приютить, пристроить, дать приют и пропитание, взять под покров свой, и озаботиться нуждами ближнего.

Шпалер – пистолет, на криминальном и полукриминальном жаргоне.

Данное событие имело место в реальной истории, но в 1907 году.

То есть, без формы. В гражданской одежде.

1 вершок = 4,445 см = 44,45 мм

Барханы – подвижное скопление сыпучего песка, навеянное ветром и слабо закреплённое (либо не закреплённое) растительностью. Способны перемещаться со скоростью от нескольких сантиметров, до нескольких сотен метров в год.

Линия – в русской (с XVIII века) и английской системах мер 1 линия («большая») = $\frac{1}{10}$ дюйма = 2,54 мм. Три линии составляют общеизвестный калибр 7,62 мм.

1 фунт – 410 граммов.

Батор – герой. В реальности, Сухе-Батор служил командиром пулеметной роты богдыханской армии и удостоился этого титула в 1918 году за проявленный героизм при разгроме войска мятежных баргутов Бавужава.

Неправильно выставленный угол опережения зажигания приводит к выбросу топливной смеси в выхлопной коллектор и далее в выхлопную трубу, где топливо воспламеняется с громким хлопком. Характерно для двигателей работающих на бензине и газе.

Швецов Аркадий Дмитриевич – советский конструктор авиационных двигателей. В 1925–1926 годах под руководством Швецова был разработан 5-цилиндровый звездообразный авиационный двигатель М-11 – первый в СССР серийный авиационный двигатель воздушного охлаждения, который выпускался в различных модификациях до 50-х годов.